

ДАФНА ДЮМОРЬЕ

В погоне
за счастьем,
или
Мэри-Энн

Азбука Premium

Дафна дю Морье

**В погоне за счастьем,
или Мэри-Энн**

«Азбука-Аттикус»

1954

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

дю Морье Д.

В погоне за счастьем, или Мэри-Энн / Д. дю Морье — «Азбука-Аттикус», 1954 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-16947-0

Книги английской писательницы Дафны Дюморье (1907–1989) стали классикой литературы XX века. Мастер тонкого психологического портрета и виртуоз интриги, Дюморье, как никто другой, умеет держать читателя в напряжении. Недаром одним из почитателей ее таланта был кинорежиссер Альфред Хичкок, снявший по ее произведениям знаменитые кинотриллеры: «Ребекка», «Птицы», «Трактир „Ямайка“»... Роман «В погоне за счастьем, или Мэри-Энн», вышедший между знаменитыми книгами «Моя кузина Рейчел» и «Козел отпущения», когда писательница находилась на вершине своей формы, был признан одной из лучших книг Дафны Дюморье. Погружаясь в атмосферу Англии XIX столетия, автор воссоздает образ своей экстравагантной прапрабабушки и рассказывает историю ее поистине удивительной жизни, полной взлетов и падений. У Мэри-Энн была невероятная судьба и невероятный характер, в котором сочетались расчетливость и безрассудность, доверчивость и лукавство, язвительность и добродушие, бесстрашие и распутность... Ей удалось выбраться из убогих лондонских трущоб, став известной куртизанкой и любовницей герцога Йоркского, брата короля Георга III, достичь высот власти, а затем, ввязавшись в громкий коррупционный скандал и политические интриги, она поставила на карту свое будущее и свою жизнь...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16947-0

© дю Морье Д., 1954
© Азбука-Аттикус, 1954

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дафна Дюморье

В погоне за счастьем, или Мэри-Энн

*Памяти МЭРИ-ЭНН КЛАРК, моей прапрабабушки, умершей в
Булони 21 июня 1852 года, и ГЕРТРУДЫ ЛОУРЕНС, игравшей на сцене и
умершей в Нью-Йорке 6 сентября 1952 года, посвящаю эту книгу*

Daphne du Maurier

MARY ANNE

Copyright © The Estate of Daphne du Maurier, 1954

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© М. Л. Павлычева, перевод, 1993

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Часть первая

Глава 1

Много лет спустя, уже после того, как она ушла из их жизни, в их памяти осталась только ее улыбка. Черты лица, подернутые дымкой забвения, уже были едва различимы. Глаза, как всем казалось, были голубыми – но с тем же успехом они могли быть зелеными или серыми. А волосы, собранные в узел или ниспадающие локонами, были, по всей видимости, темно-или светло-каштановыми. Вот нос уж точно был греческим – ни у кого этот факт не вызывал сомнения. Форма ее рта никого не интересовала – ни тогда, ни теперь.

Все ее естество проявлялось в том, как она улыбалась. Улыбка зарождалась в левом уголке рта и моментально превращалась в насмешку, которой она встречала всех без исключения: и тех, кого любила, в том числе и свою семью, и тех, кого презирала. Они в неловком молчании ожидали, что сейчас на них обрушится поток саркастических замечаний, но, когда ее глаза зажигались озорным огнем, преображая лицо и излучая радость, они вздыхали с облегчением, понимая, что их разыграли, и начинали от всей души смеяться над ее шуткой.

Это воспоминание они пронесли через всю свою жизнь. Все остальное: ложь, обман, незапные вспышки ярости – было забыто. Были забыты ее непомерная расточительность, доходящая до абсурда щедрость, язвительный язык. Остались только ее сердечность и любовь к жизни.

Разбросанные во времени, одинокие тени прошлого, неразличимые друг для друга, они перебирали в памяти эти мгновения. Жизненные пути некоторых из них пересеклись, однако дружбы между ними не возникло; и все же против своей воли они оставались связанными одной нитью.

Самое странное заключалось в том, что трое из тех, кого она любила сильнее всех, скончались друг за другом в один год, вскоре за ними последовал и четвертый; и перед смертью каждый из них вспоминал ее улыбку. Они слышали смех, чистый и звонкий, как будто в голове звучала музыкальная шкатулка, и память, подобно прорвавшей плотину воде, затопляла сознание.

Ее брат, Чарльз Томпсон, покинул этот мир первым. Ему никогда ни в чем не хватало терпения. Эта черта характера и стала причиной его смерти, так же как и многих других событий его жизни начиная еще с того времени, когда он, маленький мальчик, тянул к ней ручонки и просил: «Возьми меня, не оставляй меня!» Он навечно верил себя ее заботам, и с тех пор, даже тогда, когда он превратился во взрослого мужчину, они полностью зависели друг от друга, – это и принесло им обоим несчастье.

Его жизненный путь закончился шумной ссорой в пивной, когда он, как обычно, начал бахвалиться – рассказывать, будто бы он был самым многообещающим командиром роты в полку и шел на повышение. Его история была стара как мир: неважное здоровье самого Чарльза, несправедливое отношение к нему полковника, враждебность и зависть младших офицеров, вопиющая несправедливость военных судей. И – как венец истории – страстное желание главнокомандующего отомстить сестре Чарльза, выразившееся в том, что тот вымещал свою злобу на брате.

Чарльз огляделся по сторонам, ожидая увидеть сочувственные взгляды. Однако его рассказ никого не взволновал, многие вообще не слушали: дело было давнее – к чему теперь ворошить прошлое? Отвернувшись, посетители наполнили кружки, что привело Чарльза Томпсона в бешенство. Он швырнул свою кружку на пол и, вскочив, закричал:

– Слушайте, вы, черт бы вас всех побрал! Я такое могу вам порассказать про королевское семейство – вы даже ушам своим не поверите! Знай вы всю правду, вы швырнули бы всех Ганноверов в Канал!

И в это мгновение один из тех, кто еще помнил события шестнадцатилетней давности, тихо, как бы про себя, пробормотал стишок, который был очень популярен в те времена: его распевали на лондонских улицах. В стишке довольно грубо высмеивалась сестра Чарльза. Острия не собирался обижать Чарльза, он просто хотел повеселиться. Но Чарльз решил иначе. Он подошел к весельчаку и ударил его в лицо. Тот упал, стол перевернулся, потом Чарльз еще кого-то задел, и началась свалка, сопровождаемая криками и ругательствами. Придя в себя, Чарльз обнаружил, что он стоит на улице, щека рассечена, а в ушах все еще звучит хохот его собутыльников.

Ярко светила луна, силуэт собора Святого Павла четко выделялся на фоне темного неба. Чарльз брел, не разбирая дороги, по узким, похожим на лабиринт улочкам, пока наконец какое-то полузабытое чувство не привело его к дому, где они выросли, к дому, существование которого он хотел бы скрыть от своих приятелей. Он взял пример со своей сестры: одним он говорил, что провел детство в Оксфордшире, другим – что в Шотландии. Но сейчас он стоял перед домом, где действительно прошло его детство: домом, зажатым между другими такими же обшарпанными домами, стоящим в начале переулочка Баулинг-Инн-Элли, такого узкого, что лунный свет не достигал его дна и не освещал окон. Именно здесь они с сестрой мечтали о будущем, строили планы. А может, это она строила планы, а он только слушал? Здесь и сейчас жили люди. Он услышал детский плач. Затем прозвучал женский голос, в котором слышались злоба и раздражение. Дверь дома распахнулась, кто-то вышел и выплеснул ведро помоев на вымощенную каменными плитами улицу, крича при этом что-то через плечо.

Чарльз Томпсон развернулся и побрел дальше. Тени прошлого неотступно преследовали его, пока он не добрался до реки. Было время прилива, и вода быстро поднималась. Он понял, что у него нет денег, нет будущего, что его сестра далеко и некому больше вытереть сочащуюся из рассеченной щеки кровь.

Прошло довольно много времени, прежде чем дети, возившиеся в грязи на берегу, нашли его труп.

Тело Чарльза Томпсона опознал Вильям Даулер, в течение двадцати пяти лет хранивший верность его сестре. Он был уже очень болен, когда письмо от ее поверенных, сообщавшее о находке в реке, вынудило его проделать путь из Брайтона в Лондон. Кое-какие приметы совпадали с описанием ее пропавшего брата, и Даулеру, являвшемуся ее попечителем, пришлось заняться этим делом. Его совершенно не интересовал Томпсон, и, когда его взору предстало то, что осталось от Чарльза, он подумал, что ее жизнь могла бы сложиться совершенно иначе, утони ее брат сразу же после увольнения со службы, семнадцать лет назад. И для Даулера все сложилось бы по-другому. Она пришла бы к нему за сочувствием, и он бы увез ее и заставил забыть все. А получилось так, что ее обуяли гнев и жажда мести. И вот лежит человек, ставший причиной столь многих несчастий. Ее «бесценный брат», как она обычно называла его, ее «дорогой мальчик».

По дороге назад, в Брайтон, Даулер спрашивал себя: а не была ли его нелюбовь к Томпсону вызвана ревностью? Ведь к большинству ее знакомых он всегда относился довольно спокойно, считая, что они ничего собой не представляют: почти все они безудержно льстили ей исключительно ради того, чтобы вытянуть из нее как можно больше. Возможно, с некоторыми из них у нее были близкие отношения, но он закрывал на это глаза. Ну а что касается герцога, то, оправившись после эмоционального потрясения, Даулер взглянул на их связь как на необходимость, как на своего рода сделку. Впрочем, никакие уговоры Даулера и не смогли бы остановить ее.

– Я же говорила, что у меня далекоидущие планы, – сказала она ему, и стрела попала в цель. – Но ты все равно будешь нужен мне, хотя тебе и придется держаться в тени.

Он так и остался в тени. Он являлся к ней по первому ее требованию. Он давал ей советы, которым она никогда не следовала. Он платил по ее счетам, когда это забывал сделать герцог. Он даже выкупил заложенные ею бриллианты. Но пределом его унижения была обязанность отвозить ее детей в школу, все то время пока она жила в Уэйбридже, куда уезжала вслед за его королевским высочеством.

Зачем он все это делал? Что это ему дало?

Устремив свой взгляд на море, сверкавшее в лучах солнца, Вильям Даулер вспоминал дни, которые они вместе провели здесь, на побережье Брайтона. Это было еще до того, как на сцене появился герцог. Конечно, и здесь, в Брайтоне, она не переставала выслеживать дичь – Крипплгейт Бэрримор и прочие щеголи из *Возничих*, – но Даулер был слишком ослеплен любовью к ней, чтобы обращать на это внимание.

В Хэмпстеде ему повезло больше: однажды ей очень захотелось его увидеть, и она бежала к нему навстречу, оставив свой пост у постели больного ребенка. Позже, когда герцог уже бросил Мэри-Энн, ее потребность в Даулере только усилилась. Она пришла к нему, и он решил, что ей больше никто на свете не нужен. Однако, зная ее беспокойный нрав, он не мог быть полностью уверен в этом.

И наконец, какое чувство руководило ею, когда она ворвалась к нему в комнату в отеле «Рейд» сразу после того, как он вернулся из Лисабона? Ее плечи были прикрыты легкой накидкой – у нее и в мыслях не было скрывать свое лицо от окружающих.

– Тебя так долго не было, – проговорила она. – Мне очень нужна твоя помощь!

А может, она специально пришла к нему сразу же после его возвращения, чтобы застать его до того, как ему станет известно все, так как знала, что ему не устоять перед ней? К тому же интуиция подсказывала ей, что он может оказаться для нее самым ценным свидетелем, когда она окажется перед барьером на суде в палате общин.

На этот вопрос, как и на множество других, ответить было невозможно. Повернувшись спиной к морю, Вильям Даулер еще некоторое время стоял, облокотившись на перила. Внезапно мимо него, будто призрак, вызванный его воспоминаниями, проехал экипаж, в котором сидели полный пожилой мужчина и девочка.

Это был герцог Йоркский и его племянница, принцесса Виктория. За последнее время герцог сильно сдал и выглядел значительно старше своих шестидесяти двух лет. Но возраст не лишил его кожу упругости, не превратил ее в сухой пергамент, в нем все еще чувствовалась военная выправка, он энергично взмахивал рукой в приветствии каждый раз, когда ему навстречу попадались знакомые. Даулер увидел, как герцог наклонился к девочке, которая смотрела на него и весело смеялась, и впервые в жизни он вдруг почувствовал жалость к человеку, которому он когда-то завидовал.

Было что-то трогательное в этом стареющем мужчине, сидящем в экипаже рядом с ребенком, и Даулер задумался: а действительно ли герцог так одинок? Ходили слухи, что он не смог оправиться после смерти своей последней любовницы, герцогини Рутланд, но Даулер прекрасно знал, что молве верить нельзя. Поговаривали, что в конце концов его сведет в могилу водянка, и в этом, по всей видимости, было больше правды. И когда это случится много месяцев спустя, наиболее дотошные газетчики опять начнут трясти грязное белье, обсасывать подробности того расследования и рядом с некрологом в траурной рамке Даулер увидит ее имя.

Однако Даулеру не суждено было пройти через это испытание: он умер на четыре месяца раньше герцога. Именно герцогу довелось прочитать некролог о смерти Даулера в одном из старых номеров «Джентльменз мэгэзин». Одетый в серый халат, уложив забинтованные ноги на стул, герцог сидел в библиотеке в своем доме на Арлингтон-стрит. Он, должно быть, задремал.

В последнее время герцог стал быстро уставать. Он никому об этом не говорил, даже Герберту Тейлору, своему личному секретарю, но все вокруг, начиная с его брата-короля и заканчивая этими безмозглыми докторами, которые приезжали каждое утро, – только и твердили, что он очень болен, что ему надо отдохнуть.

Даулер... Что там пишут? «Седьмого сентября в Брайтоне скончался Вильям Даулер, эсквайр, бывший специальный уполномоченный вооруженных сил его величества». И вот уже герцог – не старый и беспомощный калека, который все дни проводит в особняке Рутландов на Арлингтон-стрит. Он стоит в холле особняка на Глостер-Плейс, срывает с себя португую, бросает ее Людвигу и, перескакивая через три ступеньки, взлетает по лестнице. А она стоит наверху и говорит ему:

– Сир, я ждала вас намного раньше! – Церемонное приветствие не имеет никакого значения, это представление рассчитано на слуг, и, пока она приседает в реверансе (ей страшно нравилось делать реверансы, и для нее не имело значения, что на ней надето: бальное платье или пеньюар), он ногой распахивает дверь, захлопывает ее за собой – и вот она уже в его объятиях и расстегивает пуговицы его рубашки.

– Где ты задержался на этот раз? В штабе или Сент-Джеймском дворце?

– И там и там, дорогая. Не забывай, что мы в состоянии войны.

– Я ни на мгновение об этом не забываю. Ты мог бы гораздо быстрее расправляться со своими делами, если бы оставил начальником секретариата Клинтонна, а не ставил бы на его место Гордона.

– Почему бы тебе не руководить моей канцелярией?

– Я и так негласно занимаюсь этим последние шесть месяцев. Скажи своему портному, что он делает слишком маленькие петли – я сломала ноготь.

Даулер... Вильям Даулер... тот самый. Герцог тогда нашел ему место в комиссариате. Отдел снабжения, Восточный военный округ. Он даже помнил, когда это было – в июне или июле 1805 года.

– Билл Даулер – мой старинный друг, – сказала она. – Если он получит это назначение, он будет мне очень благодарен.

В тот момент герцог уже засыпал, – как всегда, последний стакан портвейна оказался для него роковым. Так же как и то, что ее голова лежала у него на плече.

– И как же он проявит свою благодарность?

– Он сделает все, что я ему скажу. Например, оплатит счет мясника, который ждет денег три месяца: из-за этого сегодня на обед тебе подавали рыбу.

Господи! Ее смех возник из прошлого, чтобы преследовать его. Даже здесь, на Арлингтон-стрит, где ничто не напоминает о ней. А ему-то казалось, что воспоминания уже давно похоронены под затянутыми паутиной и покрытыми толстым слоем пыли сводами дома на Глостер-Плейс.

В ходе расследования выяснилось, что Даулер заплатил ей тысячу фунтов за это назначение. Он к тому же был ее любовником в течение многих лет. Так ему сказали. Возможно, все это ложь. Какое теперь это может иметь значение? Разрушения, которые она произвела в его жизни, оказались недолговечными. Он пережил это, но так и не встретил женщину, которая в чем-то могла сравниться с ней. Только она обладала неким особым качеством, которое сделало те несколько лет, проведенные на Глостер-Плейс, столь памятными. Он обычно приходил в этот дом вечером, после нескончаемого дня в штабе, и она заставляла его забыть все заботы и трудности, с которыми была связана его должность главнокомандующего армией, в пятьдесят раз меньшей, чем армия противника. (Он получал одни оскорбления, его никогда не хвалили. Ему не так легко было работать с некомпетентными людьми, его попытки организовать оборону Англии были самой настоящей борьбой, в то время как противник только и ждал

удобного момента, чтобы пересечь Канал и вторгнуться в страну.) Как только он оказывался в стенах этого дома, раздражение немедленно улетучивалось, и он расслаблялся.

Она чертовски вкусно его кормила. Знала, что он ненавидит торжественные обеды. Все должно быть просто. Чтобы после еды он мог растянуться возле огня, выпить стакан бренди и посмеяться ее шуткам! Он даже помнил запах той комнаты, тот небольшой беспорядок – ее эскизы на столе, арфа в углу, необычная кукла, которую она притащила с какого-то маскарада, – делавший ее особенно уютной.

Почему всему этому пришел конец? Может, их страсть была слишком сильна, чтобы продолжаться долго, или свою роль сыграло вмешательство этого надоедливого Эдама, ставшего причиной несчастья? А может, она испугалась угроз своего мужа, этого жалкого пропойцы? Он, должно быть, закончил свои дни в канаве. Он наверняка давно умер. Почти все уже покинули этот мир. Он и сам стоит на пороге могилы. Дернув за шнурок звонка, герцог вызвал своего личного слугу Батчелора.

– Что там за шум на улице?

– На Пиккадилли раскладывают солому, ваше королевское высочество, чтобы шум экипажей не беспокоил вас. Это приказание сэра Герберта Тейлора.

– Чепуха какая-то! Прикажете им прекратить это глупое занятие. Мне нравится уличный шум. Терпеть не могу тишины.

Позади особняка на Глостер-Плейс были казармы. Они часто из окна его гардеробной наблюдали за гвардейцами. Ее дом был наполнен жизнью, смехом, движением, шумом: она пела, когда укладывала волосы; звала детей, которые, топоча, сбегали к ней с верхнего этажа; отчитывала горничную, когда та неправильно выполняла ее указания. В том доме была жизнь, а этот – мертв.

Старый дурак этот Тейлор, надо же – приказать застелить Пиккадилли соломой... Муж, которого герцог Йоркский назвал жалким пропойцей, предпочитал тишину уличному шуму. Гораздо приятнее и мягче шлепаться задом на грелку, чем в канаву. Впрочем, он падал не так уж часто. Сазерленд, владелец дома, где он снимал квартиру, очень внимательно следил за ним и позаботился обо всем. Он держал виски под замком. Но у Джозефа Кларка был свой собственный запас, спрятанный под досками пола в спальне, и время от времени, когда он впадал в меланхолию – а зимы в Кейтнесе долгие, – он устраивал так называемые «праздники в свою честь». Захмелев, но будучи еще на первой стадии опьянения, он торжественно пил за здоровье его королевского высочества главнокомандующего.

– Не каждый, – громко произносил он, хотя его никто не слышал, – удостоивается чести обзавестись рогами стараниями принца крови.

Однако он недолго пребывал в таком настроении. Вслед за этим он обычно начинал жалеть себя. Сложись его судьба иначе, он мог бы достичь большего. Но его всю жизнь преследовали неудачи. Ему ни разу не представилась возможность проявить свои способности: всегда что-то мешало. Если бы кто-нибудь дал ему в руки молоток и резец и поставил бы его перед гранитной плитой высотой шесть футов или, вернее, шесть футов и три дюйма – именно таков был рост главнокомандующего, – он бы... он создал бы тот шедевр, о котором она так мечтала. Или разбил бы камень на мелкие кусочки и прикончил бы бутылку виски.

Как бы то ни было, в Кейтнесе было слишком много гранита. Все графство было заполнено гранитом. Потому-то его и послали туда.

– Ведь ты учился на каменотеса, так? Вот и занимайся этим.

Каменотес? Нет! Художник, скульптор, мечтатель. И все три ипостаси объединялись после бутылки виски.

И все же, представ перед палатой общин, она имела наглость заявить министру юстиции, что ее муж ничего для нее не значит. И целая толпа слышала это.

– Ваш муж жив?

– Я не знаю, жив он или умер. Он ничего для меня не значит.

– Чем он занимается?

– Ничем. Он никто. Самый обычный мужчина.

И все смеялись над ее словами. А потом ее ответ напечатали в газете. Он купил и прочитал. Они смеялись. «Самый обычный мужчина».

Третий стакан помог ему забыть нанесенное оскорбление. Он распахнул окно, впустив в спальню густой туман, лег на кровать и уставился в потолок. И вместо ликов святых, которые он мог бы создать, – строгих ликов с невидящими глазами, устремленными в небеса, – он увидел ее улыбающееся лицо и услышал ее смех. Ранним утром они стояли во дворе церкви Святого Панкратия, и она протягивала к нему руку.

– Случилось ужасное, – сказал он. – Я забыл разрешение.

– Оно у меня, – ответила она. – И нам понадобится второй свидетель. Но я обо всем позаботилась.

– И кто он?

– Могильщик из этой церкви. Я дала ему два шиллинга за труды. Поторопись. Нас ждут.

Она была так взволнована, что ошиблась и в метрической книге написала свое имя перед его. Тогда ей было всего шестнадцать.

Обычный мужчина. Герцогу пришлось прочитать и его некролог. Но не в «Таймсе» и не в «Джентльменз мэгэзин», а в «Джон О'Гроатс джорнэл».

Девятого февраля 1836 года в доме г-на Сазерленда из Бильбстера, Уэттинский приход нашего графства, скончался г-н Дж. Кларк, которого принято считать мужем знаменитой Мэри-Энн Кларк, сыгравшей ключевую роль в суде над Его Королевским Высочеством герцогом Йоркским. В течение последнего времени г-н Кларк имел пагубную склонность к алкоголю, что, в сочетании с неудавшейся семейной жизнью, сказалось на его умственных способностях. Говорят, что у него было найдено несколько книг, исписанных именем Мэри-Энн Кларк.

Вот и исчезло последнее звено, кануло в вечность, окутанное облаком винных испарений. Единственное, что осталось от них, – пачки писем, непристойные памфлеты и старые, покрытые пылью газеты. Обладательница той улыбки, которую они вспоминали, в конце концов утерла нос им всем. Она не была ни призраком, ни воспоминанием, ни плодом воображения, ни давно забытой мечтой, разбивающей сердца тех, кто терял голову от любви к ней. Ей было семьдесят шесть, и она сидела у окна в своем доме в Булони и смотрела на далекий берег Англии, где все давно забыли о ней. Ее горячо любимая дочь умерла, другая дочь жила в Лондоне. Внуки же, которых она нянчила, когда те были совсем крошками, теперь стеснялись даже упоминать ее имя и никогда не писали ей. У сына, которого она обожала, была своя жизнь. Мужчины и женщины, которых она когда-то знала, были преданы забвению.

И все воспоминания достались ей.

Глава 2

Первым воспоминанием Мэри-Энн был запах типографской краски. Ее отчим, Боб Фаркуар, обычно не переодевался после работы, и им с матерью приходилось каждый день стирать. Как они ни старались, пятна от краски не сходили, и манжеты его рабочей блузы всегда казались грязными. Да и сам он выглядел неопрятно, и ее мать, ревностная поборница чистоты, непрерывно ругалась с ним из-за этого. Очень часто он садился к столу с руками, испачканными краской. Она въелась даже под ногти, которые стали черными. Каждый раз Мэри-Энн видела, как нежное лицо матери, это лицо мученицы и страдальцы, болезненно искажалось. Но Мэри-Энн нравился ее отчим, и ей не хотелось, чтобы мать начинала его пилить, поэтому она щипала под столом своего братишку, который тут же начинал плакать и отвлекал мать.

– Закрой свой рот, – говорил Боб Фаркуар, – я не слышу, как я ем.

Он всегда чавкал во время еды. Запихнув еду в рот, он потом вытаскивал огрызок карандаша, раскладывал на столе свернутые в трубку, еще сырые оттиски и принимался одновременно и есть, и править. И запах типографской краски смешивался с ароматом подливки.

Именно по этим оттискам Мэри-Энн научилась читать. Слова завораживали ее, ей казалось, что форма букв очень важна, и она считала, что буквы различаются по полу. Например, «а», «е» и «у» – это женщины, а твердые «г», «б» и «к» – мужчины и зависят от букв-женщин.

– Что это такое? Прочти мне! – просила она Боба Фаркуара, и ее отчим, веселый и добродушный человек, обнимал ее за плечи и объяснял, как буквы складываются в слова и что можно с ними делать. Для чтения у Мэри-Энн были только эти оттиски, так как все книги и другие вещи ее матери были давно уже проданы, – скудного заработка Боба Фаркуара, работавшего в типографии господина Хьюэса, на жизнь не хватало. Господин Хьюэс наводнил все книжные лавки дешевыми сборниками памфлетов, сочиненных какими-то неизвестными авторами.

Вот так и получилось, что в том возрасте, когда дети начинают изучать катехизис и по слогам читать Книгу притчей Соломоновых, Мэри-Энн сидела на ступеньках дома на Баулинг-Инн-Элли, погружившись в газетные статьи, полные нападок на правительство, недовольства внешней политикой, истерии, вызванной в одинаковой степени как любовью, так и ненавистью к каким-то политическим деятелям. Эти статьи перемежались сообщениями о скандалах, слухами и различными домыслами.

– Присмотри за мальчиками, Мэри-Энн, и помой посуду, – говорила ей уставшая и раздраженная мать, и девочка откладывала принесенные отчимом оттиски, поднималась со ступенек и шла убираться, так как ее мать, опять беременная, не выносила даже вида объедков. Родной брат Мэри-Энн, Чарли, в это время обычно налегал на варенье, а единоутробные братья, Джордж и Эдди, ползали по полу у нее под ногами.

– Ведите себя хорошо, иначе я выгоню вас, – приказывала девочка очень тихо, чтобы ее не услышала мать, которая была в спальне наверху.

Позже, когда посуда была вымыта, стол убран, а мать ложилась отдохнуть, Мэри-Энн брала одного из малышей, усаживала его на бедро, давала руку другому, разрешала третьему держаться за ее юбку и они уходили прочь из этого каменного ущелья, куда никогда не проникало солнце, и задними дворами пробирались на Ченсери-лейн, а потом спускались по Флит-стрит.

Они попадали в совершенно другой мир, в мир, который ей очень нравился, полный света, ярких красок, шума и самых разнообразных запахов, таких отличных от запахов их улицы. Здесь тротуары были запружены пешеходами, экипажи с грохотом поворачивали на Ладгейт-Хилл и к собору Святого Павла, возчики щелкали кнутами и кричали. В этом мире изящный джентльмен останавливал свой экипаж и направлялся в книжный магазин, и тут же к нему кидалась цветочница и предлагала ему букетик лаванды. В том же мире они видели пере-

вернутую тележку, с которой сыпались яблоки и апельсины, спящего в канаве слепого музыканта, старика, чинившего стул.

Ветер приносил с собой шум и запахи Лондона, и девочка ощущала движение и жизнь этого сказочного города, впитывала исходившее от него возбуждение, которое влекло ее к чему-то, куда-то – гораздо дальше ступеней собора Святого Павла, на которых обычно играли ее маленькие братья.

Этот сказочный мир был наполнен приключениями. Для Мэри-Энн приключением было подобрать брошенный какой-нибудь дамой букетик цветов и предложить его пожилому джентльмену, который гладил ее по голове и давал на прощание двупенсовик. Приключением было заглядывать в окна домов, где жили ростовщики, ехать в фургоне с ухмыляющимся возчиком, драться с мальчишками-подмастерьями, слоняться возле книжных магазинов и ждать, когда продавец отвернется, чтобы вырвать из книжки несколько страниц, которые она будет читать дома, – ведь богатые покупатели всегда смотрели только на обложку.

Сама не понимая почему, она очень любила все эти приключения. Но она никогда не рассказывала о своих похождениях матери, которая наверняка бы не одобрила ее и отругала.

Улица была для нее и наставником, и учителем, и компаньоном для игр. Уличные мошенники залезали в чужие карманы, нищим подавали милостыню, в лавках продавались различные товары, обменивались деньги, мужчины смеялись, мужчины грязно ругались, женщины плакали, женщины улыбались, дети гибли под колесами экипажей. Одни были разодеты в дорогие платья, другие ходили в отрепьях. Первые вкусно ели, вторые голодали. Для того чтобы тебе никогда не пришлось голодать и ходить в обносках, нужно наблюдать, ждать, первой хватать выпавшие из карманов монетки, быстро бегать, хорошо прятаться, уметь улыбнуться в нужный момент и вовремя исчезнуть, бережно хранить все свое достояние, следить за собой. И помнить, что нельзя становиться похожей на мать, слабую, не умеющую сопротивляться обстоятельствам женщину, которая потеряла себя в этом чужом для нее уголке Лондона и находит единственное утешение в разговорах о прошлом, о временах, когда она знавала лучшие дни.

Лучшие дни... Что это такое? «Лучшие дни» – значит спать на тонком белье, иметь слуг, покупать себе новые платья, обедать в четыре часа. Эти понятия ничего не говорили маленькой девочке, но со временем в глазах Мэри-Энн, постоянно слушавшей рассказы матери, они обрели вполне конкретные очертания. Мэри-Энн как наяву видела перед собой эти «лучшие дни». Она видела слуг, она видела красивые туалеты, она обедала в четыре часа. Единственное, чего она не понимала, – почему ее мать отказалась от всего этого.

– У меня не было выбора. Я была вдовой с двумя детьми на руках.

– Что значит «не было выбора»?

– Твой отчим сделал мне предложение. Мне больше ничего не оставалось. Кроме того, он добрый и хороший человек.

«Итак, мужчины не зависят от женщин, – размышляла Мэри-Энн, – а женщины зависят от мужчин». Мальчики хрупки, мальчики плачут, мальчики изнежены, мальчики беспомощны. Мэри-Энн прекрасно знала это, она была старше своих братьев, ну а малышка Изабель в расчет не принималась. Мужчины тоже хрупки, мужчины тоже плачут, мужчины тоже изнежены, мужчины тоже беспомощны. К этому выводу Мэри-Энн пришла на собственном опыте, потому что все эти характеристики в полной мере относились к Бобу Фаркуару, ее отчиму. Но мужчины работают. Они зарабатывают деньги – или сорят ими, как ее отчим, и тогда не на что было купить одежду для детей. Ее мать пытается сохранить хоть жалкие крохи, подрабатывает, вышивая по вечерам при свете свечи. Поэтому она выглядит уставшей и постаревшей. Где-то здесь скрыта несправедливость. Нарушается какое-то равновесие.

– Когда я вырасту, я выйду замуж за богатого, – сказала Мэри-Энн.

Это произошло в тот день, когда вся семья сидела за столом и ужинала. Было лето, и горячий воздух улицы проникал в комнату через открытую дверь, принося с собой вонь гниющих овощей и помоев. Отчим повесил свою куртку на спинку стула и остался в одной рубашке, намоченной от пота. Как обычно, его руки были в краске. Мать пыталась заставить Изабель поесть, но малышка, измученная жарой, отворачивалась и плакала. Джордж и Эдди толкали друг друга ногами под столом. Чарли только что опрокинул на себя соус.

Мэри-Энн оглядела всех и объявила о своем решении. Ей уже было тринадцать. Боб Фаркуар рассмеялся и подмигнул ей.

– Тебе придется сначала найти такого человека, – сказал он. – И что же ты собираешься для этого предпринять?

Ну уж совсем не то, что сделала ее мать, чтобы найти Боба Фаркуара, подумала девочка. Она не будет терпеливо ждать, когда ей сделают предложение. Она не превратится в няню и посудомойку. Все эти мысли вихрем пронесли в ее голове, но девочка решила не высказывать их вслух, чтобы не обижать Боба, к которому очень хорошо относилась. Она улыбнулась ему и подмигнула.

– Я ему быстро заморочу голову, – ответила она, – чтобы он не успел прийти в себя и одурочить меня.

Ее ответ восхитил отчима, он усмехнулся и принялся раскуривать трубку. Матери же ее заявление не показалось смешным.

– Я знаю, где она научилась так говорить, – сказала она. – Слушает болтовню твоих приятелей, когда вы собираетесь по вечерам.

Боб Фаркуар пожал плечами, зевнул и отодвинулся от стола.

– Ну и что в этом плохого? – спросил он. – Она хитра, как мартышка, и знает об этом. Такая не пропадет.

Он бросил на стол свернутый в рулон оттиск, и падчерица ловко его подхватила.

– Что будет, если дернуть мартышку за хвост? – спросил он.

– Мартышка укусит, – ответила Мэри-Энн.

Она пробежала глазами текст оттиска. Некоторые слова были очень длинными, и она не понимала их значения, но, увидев, что отчим надевает куртку и направляется к двери, она сообразила, что правку оттиска он оставляет ей.

– Ты еще не рассказала нам, как будешь искать богатого мужа, – поддразнил ее отчим.

– Вот ты мне и расскажи, – ответила Мэри-Энн.

– Ну, встань на углу и свисти тому, кто тебе понравится. Твои глаза привлекут любого.

– Хорошо, – сказала Мэри-Энн, – но понравившийся мне парень может не быть богатым.

Его смех еще долго звучал в переулке. Боб Фаркуар направлялся на встречу со своими друзьями. Девочка часто сопровождала его и знала, что он будет делать. Сначала он пройдет по всем переулкам и созовет приятелей; потом они встанут на улице и, смеясь и перебрасываясь шутками, примутся разглядывать прохожих; а затем они небольшой компанией, человек шесть-семь, отправятся в пивную и будут рассказывать друг другу о том, что произошло за день.

Беседы мужчин всегда интереснее, чем разговоры женщин. Мужчины никогда не говорят о кухне, о детях, о болезнях, о прохудившейся обуви. Мужчины обсуждают людей, причины каких-то событий. Они ведут разговор не о соседских детях, а о восстаниях во Франции. Не о том, кто разбил чашку, а о том, кто нарушил договор. Не о том, кто испачкал постиранное белье, а о том, кто разгласил государственные секреты. «Виг» значит патриот, «лягушатник» – француз, «тори» – изменник, «женщина» – проститутка. Что-то из этого вызывало у нее интерес, что-то она считала скучным, но все равно сидеть рядом с ними было гораздо приятнее, чем чинить носки Чарли.

– Жажда замучила?

– Жажда замучила.

Они торжественно чокались и торжественно пили, и сквозь шум и крики Мэри-Энн собирала по кусочкам обрывочные сведения о знаменитостях. Так бывало всегда – но не сегодня. Сегодня ей предстояло заштопать носки и постирать рубашки, уложить мальчиков и успокоить мать, а когда, уже перед самым сном, у нее выдалась свободная минутка и она собралась было сесть у окна и просмотреть оттиск, который должны были напечатать на следующий день, пришел Чарли.

– Расскажи мне сказку, Мэри-Энн.

– Я тебя сначала за уши оттаascaю.

– Расскажи мне сказку.

Рассказывать можно было о чем угодно. Как бьют в барабан. Как звучат колокола собора Святого Павла. Как кричит пьяница. Как оборванный лудильщик идет по улице, стучит в двери и кричит: «Лудим, паяем. Кому надо чинить кастрюли?» – и вдруг спотыкается о Джорджа и Эдди, которые пускают кораблики в сточной канаве. Даже старого обтрепанного лудильщика, которого мать не раз прогоняла от двери их дома, можно превратить в принца, чтобы Чарли был доволен.

– Расскажи мне о сражении сорок пятого года и о серебряной пуговице.

Принц Карл потерпел поражение, а герцог Камберлендский победил. Мэри-Энн никогда не заговаривала об этом в присутствии матери, урожденной Маккензи. У одного из Маккензи хранилась серебряная пуговица, которая раньше была на мундире принца. На этом семейное предание заканчивалось.

– А что случилось с пуговицей? – спросила Мэри-Энн, когда ей было пять лет.

Ее мать не знала. Она родилась на юге, куда перебрались отпрыски боковой ветви Маккензи. Они потеряли связь с родственниками. Вот Мэри-Энн и выдумала сказку для Чарли и для себя. Им нужно только найти пуговицу, и благоденствие семьи восстановится.

– А что мы будем делать, когда найдем пуговицу?

– Зажжем везде свечи.

Свечи, которые ярко освещают комнату, а не заполняют ее удушливой вонью. Свечи, которые не трещат и не разбрызгивают жир по всей комнате, пока не сгорят.

Мэри-Энн рассказала Чарли легенду о серебряной пуговице. Потом она зажгла свечу и, развернув оттиск, принялась громко читать, внимательно следя за своим произношением. Как-то мать сказала ей, что она неправильно выговаривает звуки, и эти слова матери крепко засели в голове девочки.

– Что значит – неправильно выговариваю? – спросила Мэри-Энн, ошетинившись.

– Я не имею в виду твой голос – он очень звонкий. Но у тебя грязная речь. Ты набралась всего этого словесного мусора у здешних детей. Твой отчим ничего не замечает. Он сам так говорит.

Опять ее унизили. Попрекнули отчимом и переулком, в котором она выросла. Шотландские Маккензи совсем другие. Такие, как ее отец, господин Томпсон из Абердина.

– Значит, он был дворянином? – Она потянула за ниточку, которая связывала их с «лучшими днями».

– Он вращался среди дворян, – был ответ.

Но этого было недостаточно. Недостаточно для «лучших дней» и для обедов в четыре часа. Обычный господин Томпсон из Абердина – этого мало. Мало и того, что он погиб в войне с Америкой.

– Ты хочешь сказать, что он командовал войсками?

– Не совсем. Он был прикомандирован к войскам.

Может, в качестве советника? Чтобы разрабатывать планы? Или в качестве посредника? В памфлетах упоминалось о таких людях. Иногда их называли шпионами. Господин Томпсон, с

которым ее мать провела «лучшие дни», стал интересоваться Мэри-Энн. Он улыбался, кланялся и слушал; он выпытывал военные секреты; он был умен; он был хитер. Более того, он был дворянином, который умел правильно говорить. Его речь очень отличалась от речи детей на улице.

– Слушай, Чарли. Слушай, как звучит мой голос.

– А разве с твоим голосом что-то не так?

– Тебя не касается. Слушай.

Самое главное было научиться произносить звук «х». Так сказала ей мать – «х», «о» и «у». И еще «о» и «и», когда они стоят рядом.

– «По сведениям, полученным из достоверных источников, правительство его величества не ограничилось поисками подходящей палки, которой оно уже на нынешней сессии постарается избить до полусмерти собаку в лице оппозиции, и вытащило на свет грязное белье...»

– Что ты читаешь, Мэри-Энн?

– Завтрашний выпуск.

– Но я ничего не понимаю.

– И я тоже. Но это не важно. Папа говорит, что читатели тоже ничего не понимают. Не перебивай. «По сведениям, полученным из достоверных источников...» – И тут она вытащила карандаш: «р» в слове «достоверных» было напечатано неправильно из-за сломанной литеры.

– Стучат в дверь.

– Да пусть стучат.

Но мальчик уже вскочил с кровати и высунулся в окно.

– Какие-то мужчины... они несут папу... он ранен.

Внезапно они услышали взволнованный голос матери, заплакала Изабель, забегали наверх Джордж и Эдди.

– Все в порядке. Успокойтесь. Причин для беспокойства нет.

Отчима уложили на пол между двух стульев в гостиной. Его лицо было в красных пятнах, он казался чужим.

– Это все жара.

– Доктор пустит ему кровь.

– Он упал на углу.

– Он скоро придет в себя.

Мать стояла, беспомощно опустив руки. Мэри-Энн послала Чарли за доктором, увела мальчиков и Изабель наверх. Потом она принесла таз с холодной водой и сделала отчиму компресс. А его приятели продолжали рассказывать матери, как с ним произошло несчастье.

Вскоре вернулся Чарли и привел доктора, который выглядел очень мрачным и что-то бормотал насчет апоплексии. Он выгнал Мэри-Энн и Чарли из комнаты – дети мешали ему заниматься больным.

Наконец Боба Фаркуара перенесли на кровать в спальню. Ему пустили кровь. Детям сказали, что это не апоплексия и что отчим не умрет, но что ему нужен отдых. Что он ни в коем случае не должен идти на работу, ни завтра, ни всю следующую неделю и потом еще несколько недель. Пока доктор объяснял обезумевшей от горя матери, как ухаживать за больным и чем его кормить, Мэри-Энн проскользнула в спальню и взяла отчима за руку. Он уже был в сознании.

– Что же будет? – сказал он. – Они наймут кого-нибудь другого вместо меня. Им не нужен больной работник.

– Не беспокойся.

– Тебе придется отнести им записку. Спроси господина Дея, управляющего. – Он закрыл глаза: разговор утомил его.

Мэри-Энн спустилась вниз. Мать смотрела на нее с выражением полной безнадежности.

– Это конец, – проговорила она. – Они заплатят ему только за эту неделю. Может, он оправится только через несколько месяцев, а к тому времени его место уже будет занято. На что нам жить?

– Утром я схожу в типографию.

– Расскажи им все как есть. Что твой отец болен.

– Я так и сделаю.

Мэри-Энн бережно расправила оттиск. Нельзя упускать такой случай, а для этого следует проверить каждое слово. Она уже знала, как отмечать ошибки – крохотные пометки на полях: еще ни разу оттиск не возвращался в типографию без пометок ее отчима. Она прекрасно знала его почерк. Наклонная «р». Завиток на «ф». В самом низу оттиска она написала: «Исправлено. Боб Фаркуар».

На следующее утро она тщательно умылась, надела свое выходное платье. Непослушные локоны делали ее похожей на маленькую девочку. Она отрезала их ножницами и повернулась к зеркалу посмотреть, что получилось. Намного лучше, но чего-то недостает – не хватает яркого мазка. Она пробралась в спальню. Отчим спал. Она открыла шкаф с одеждой матери. Там висело платье, которое та ни разу не надевала с тех пор, как стала жить на Баулинг-Инн-Элли, платье, которое было из «лучших дней», с бантом из красных лент на корсаже. Мэри-Энн взяла одну ленту, повязала ею волосы и посмотрела на себя в зеркало. Да, лента решила все проблемы.

Девочка тихо выскользнула из дома, чтобы мать и братья не увидели ее, и, зажав в руке свернутый оттиск, направилась к Флит-стрит.

Глава 3

Двери были открыты, и Мэри-Энн могла свободно разгуливать по цеху. Никто не обращал на нее внимания. Работал печатный станок. Она мельком взглянула на эту огромную деревянную махину, которая была установлена в длинной узкой комнате. Рядом со станком стояли двое рабочих и мальчик, подававший рабочим бумажные рулоны. Невдалеке о чем-то беседовали еще двое рабочих, и еще один мальчик постоянно бегал по лестнице в комнату на втором этаже и возвращался с новыми рулонами бумаги. Один из мужчин стал говорить громче, так как грохот станка заглушал его слова.

Напротив входа в печатный цех находилась дверь с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Мэри-Энн постучала в эту дверь. В ответ раздалось раздраженное: «Войдите!» Девочка вошла в комнату.

– Что тебе надо?!

Обладатель этого раздраженного голоса оказался настоящим джентльменом. На нем был отлично сшитый сюртук, шелковые чулки и напудренный завитой парик, повязанный черной лентой.

– Я пришла с запиской от моего отца. Он заболел.

– Кто твой отец?

– Роберт Фаркуар.

Джентльмен пожал плечами и отвернулся. Сидевший рядом с ним мужчина, в чулках грубой вязки и без парика, принялся объяснять:

– Боб Фаркуар, господин Хьюэс. Один из наших лучших работников. Наборщик и корректор. Какое несчастье. – Он повернулся к девочке. – Что случилось с твоим отцом?

– Ему стало плохо вчера вечером. Доктор говорит, что он сможет вернуться на работу только через несколько недель.

– Вычеркни его, – раздраженно проговорил джентльмен. Он стоял у окна и полировал ногти. – Мы запросто найдем замену. Выдай девочке недельное жалованье, и пусть она уходит домой.

Но второй мужчина казался обеспокоенным.

– Мне было бы жаль потерять такого работника, сэр. Он уже много лет работает у нас.

– Ничем не могу помочь. Я не могу содержать больных работников.

– Да, сэр. – Мужчина вздохнул и, открыв ящик стола, достал деньги. – Скажи своему отцу, что нам очень жаль и, если он надумает зайти к нам после того, как поправится, мы попробуем ему подыскать какую-нибудь работу. Но обещать мы ничего не можем. Вот его жалованье за неделю.

– А вы господин Дей?

– Да.

– Значит, это вам я должна отдать оттиск.

Она протянула ему драгоценный свиток и стала наблюдать, как мистер Дей разворачивает его. Она заметила, что он бросил взгляд на подпись.

– Твой отец внес правки вчера вечером до того, как ему стало плохо?

– Да.

– И здесь убыток, господин Хьюэс. Боб Фаркуар обычно брал оттиски домой, и мы экономили на заработной плате второму рабочему.

– Значит, теперь тот, кто согласится на сверхурочные, будет оставаться здесь после работы и вносить правку. Отдай девочке деньги и прогони ее.

Господин Дей протянул Мэри-Энн деньги.

– Мне очень жаль, – сказал он.

Мэри-Энн взяла деньги и вышла из комнаты. Но домой она не пошла. Выйдя на улицу, она отошла на несколько шагов и принялась ждать, пока наконец не увидела, что господин Хьюэс вышел из типографии и направился вверх по Флит-стрит. После этого она вернулась и вновь постучала в дверь с табличкой «Посторонним вход запрещен». Ей разрешили войти. Господин Дей что-то писал.

– Опять ты? – сказал он, удивленно взглянув на нее. – Я же отдал тебе деньги.

Мэри-Энн плотно затворила за собой дверь:

– Скажите, с оттиском все в порядке?

– Что ты имеешь в виду? Он чистый. Ты что, уронила его по дороге?

– Нет. Я имею в виду, хорошо ли сделаны исправления?

– Да. Его уже отправили в печатный цех.

– И ошибок нет?

– Нет. Твой отец всегда очень внимателен. Потому-то мне и жаль терять такого работника. Но, как ты успела заметить, господина Хьюэса трудно в чем-то убедить.

– Если кто-нибудь из рабочих будет вносить правки здесь, в типографии, ему придется задерживаться после работы и он попросит, чтобы ему платили за сверхурочные. Правильно?

– Да. Но это все равно будет меньше, чем те деньги, что мы платим твоему отцу за полный рабочий день.

– Эта сумма за сверхурочные дала бы возможность нашей семье не умереть с голоду и помогла бы моему больному отцу встать на ноги.

Управляющий уставился на девочку:

– Это отец просил тебя сказать?

– Нет. Я сама так подумала. Если я буду забирать оттиски домой и по утрам приносить их в типографию, вас ведь это устроит, не правда ли? И может, не надо говорить об этом господину Хьюэсу?

Господин Дей улыбнулся. Девочка тоже улыбнулась. Ей действительно очень шла красная лента.

– Почему ты не предложила это, когда здесь был господин Хьюэс?

– Господин Хьюэс велел бы мне убираться отсюда.

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать.

– Ты ходишь в школу?

– Нет. У моего отца нет денег, чтобы платить за обучение.

– Ты могла бы ходить в воскресную школу.

– Моя мама говорит, что у детей, которые ходят в воскресную школу, слишком вульгарные манеры.

Господин Дей укоризненно взглянул на нее:

– Ты вырастешь невеждой, если не будешь учиться. Каждый ребенок должен уметь писать и читать.

– Я умею и читать, и писать. Я сама научилась. Могу ли я вернуться домой и сказать отцу, что вы будете платить ему за правку, пока он не выздоровеет?

Господин Дей колебался. Он вновь скользнул взглядом по красной ленте в ее волосах, посмотрел в ее огромные глаза. Его удивляла ее необъяснимая уверенность.

– Ну ладно, – наконец проговорил он, – даю неделю. Посмотрим, что получится, хотя я не совсем понимаю, как больной человек будет делать правку. Ведь такая работа требует огромного внимания.

– Конечно, сэр. И я, и отец понимаем это.

– Ты думаешь, у него достаточно сил для работы? Надеюсь, у него не удар, или лихорадка, или что там еще?

– О нет.

– Но что же с ним такое?

– Он... он сломал ногу. Он упал с лестницы.

– Понятно. Хорошо, приходи сегодня вечером, и я дам для него оттиск. До свидания.

Когда Мэри-Энн вернулась домой, отчим все еще лежал в постели. Окна были закрыты, а шторы опущены, чтобы в комнату не проникала уличная вонь.

– Только что приходил доктор, – сообщила мать. – Сказал, что помочь ему могут только покой и тишина. Ты виделась с господином Деем?

– Да, он просил не беспокоиться. Он будет платить пять шиллингов в неделю, пока папа болеет.

– Пять шиллингов просто так? Как это великодушно!

– Он сказал, что папа – один из лучших работников.

Девочка поднялась наверх и спрятала красную ленту.

В течение последующих трех недель втайне от всей семьи Мэри-Энн правила оттиски и относила их управляющему. Но однажды, в начале четвертой недели, вернувшись с прогулки с братишками, она услышала голос отчима, звавшего ее из своей душной темной спальни.

– Только что ушел господин Дей.

– О-о.

– Он почему-то был очень изумлен. Он решил, что у меня сломана нога.

– Это я ему так сказала. Мне казалось, что сломанная нога звучит гораздо лучше, чем апоплексия.

– Но и апоплексии у меня нет. У меня был самый обыкновенный тепловой удар.

– С тепловым ударом ты не смог бы править оттиски.

– Конечно.

Мэри-Энн молчала. Она попала в ловушку, расставленную Бобом Фаркуаром.

– Господин Дей поблагодарил меня за правку этого оттиска. А я сказал ему, что никакой оттиск я не правил. Потом я догадался, что это твоя работа. Ты хоть на минуту задумывалась, за сколь рискованное дело ты берешься? Ну две, ну три ошибки – но не полдюжины.

– Прежде чем отнести оттиск в типографию, я просмотрела его четыре раза, потом еще раз при дневном свете.

– И ошибок не было?

– Нет. Иначе господин Дей сказал бы мне.

– Ну ладно, теперь он знает, что ты правишь оттиски.

– И что же он сказал? Что он со мной сделает? Ты потеряешь работу?

– Иди в типографию и поговори с ним.

Мэри-Энн опять надела выходное платье и повязала волосы красной лентой. Чарли, следовавший за ней как тень, с беспокойством наблюдал за ее переодеванием.

– Господин Дей узнал, что ты наделала. Он побьет тебя.

– Нет, не побьет. Я уже вышла из того возраста, когда меня можно было бить.

– Ну, так еще что-нибудь сделает.

Она не ответила. Она выскочила из дома и побежала по Ченсери-лейн по направлению к Флит-стрит. Ее сердце бешено стучало. А если там будет господин Хьюэс? Уж он точно прикажет высечь ее. Он даже сам может ее выпороть.

Но господина Хьюэса на месте не было. В комнате сидел только господин Дей, управляющий.

Со смиренным видом Мэри-Энн остановилась у двери. Господин Дей держал в руке несколько испорченных оттисков, свернутых в трубки. По всей видимости, она на самом деле пропускала ошибки.

– Послушай, Мэри-Энн, – проговорил управляющий. – Как я понял, ты пыталась всех нас одурачить.

– Нет, сэр.

– Зачем ты обманывала меня?

– Нам нужны были деньги.

– Еще до болезни твой отец говорил мне, что ты уже много раз сама правила оттиски. Зачем ты это делала?

– Мне нечего было читать.

– Но девочкам не положено читать то, что написано в газетах.

– Вот поэтому мне и нравится читать оттиски.

Господин Дей закашлял и отложил оттиски в сторону. Мэри-Энн гадала, что он собирается делать. Очевидно, сейчас накажет ее.

– Сколько же из того, что ты читаешь, тебе понятно?

– Не знаю.

– А что, к примеру, мы печатали на прошлой неделе про премьер-министра?

– Вы писали, что Билли Питт слишком крепко держит в руках вожжи, чтобы его можно было вышибить из седла, а Чарли Фоксу гораздо полезнее играть на Сент-Джеймс-стрит в теннис с принцем Уэльским и господином Маклоу, владельцем корта. Я не совсем уверена, но мне кажется, что здесь какой-то скрытый смысл.

Господин Дей был ошарашен и посмотрел на девочку с еще большим неодобрением.

– Ты хотя бы не понимаешь газетный жаргон! – воскликнул он.

– Я знаю, что значит «взять крученный».

– И что же это значит?

– На самом деле это выражение теннисистов. Но когда оно употребляется в газете, оно обозначает «облапошить простака».

Господин Дей удивленно поднял брови.

– У нас с твоим отцом был долгий разговор, – сообщил он, – и я сказал ему, что мы с радостью примем его на работу, когда он поправится. Но ты не должна больше править оттиски. Во всяком случае, сейчас. Вместо этого ты пойдешь в школу.

– В школу?

– Да. Не в воскресную, а в пансион для благородных девиц, который находится в Хэме в Эссексе.

Мэри-Энн изумленно смотрела на господина Дея. Может, он повредился в рассудке?

– Я не могу ехать туда, – наконец сказала она. – У моего отца нет денег, чтобы платить за мое обучение, да и мама не отпустит меня из дома.

Господин Дей поднялся. Во взгляде больше не было осуждения. Он улыбался.

– Я предложил платить за твоё обучение, – признался он. – Я думаю, девочка с такими способностями должна учиться. У меня есть дочка, ей столько же лет, сколько тебе, и она учится в этом пансионе. Уверен, что тебе там понравится.

– А господин Хьюэс знает?

– Это наше личное дело. Оно совершенно не касается господина Хьюэса.

Управляющий нахмурился. Странно, что девочка спросила об этом. Конечно, он не собирався сообщать об этом господину Хьюэсу, потому что господин Хьюэс плохо думает о людях и скажет своему управляющему, что эта маленькая плутовка, которой на вид можно было дать пятнадцать и которая повязывает волосы красной лентой, обвела его вокруг пальца.

– Вы очень добры, – сказала Мэри-Энн, – но для чего вам это нужно?

– Через два года мы обсудим с тобой этот вопрос, – ответил он.

Он проводил ее до двери и пожал руку.

– Но раз пансион предназначен для благородных девиц, значит я тоже стану благородной? – спросила девочка.

– Да, если будешь хорошо учиться.

– А мне нужно учиться правильно говорить?

– Обязательно.

Девочка была безмерно счастлива. Начиналось что-то новое, начиналось приключение. Уехать из дома, оставить этот переулок, стать благородной девицей – и все только потому, что она совершила то, чего от нее никто не ожидал. Она обманула господина Дея, а господин Дей собирается платить за ее обучение. Значит, обман окупается.

– На неделе я навещу твоих родителей, – сказал он. – Кстати, как я понимаю, Боб Фаркуар тебе вовсе не отец, а отчим. Твоего отца звали Томпсоном. Какое из этих двух имен ты хотела бы выбрать?

Мэри-Энн быстро соображала. Дворянин из Абердина. Дворянин, прикомандированный к войскам. Дворянин, с которым мать провела «лучшие дни». Об этом можно было бы рассказывать девочкам в пансионе, если бы не фамилия Томпсон. Томпсонов очень много. Мэри-Энн Томпсон. Мэри-Энн Фаркуар. «Фаркуар» звучит лучше, к тому же где-то на заднем плане вырисовываются неясные очертания Маккензи.

Глава 4

Мэри-Энн было пятнадцать с половиной лет, когда воспитательница, очень добрая женщина, следившая за девочками в пансионе в Хэме, сообщила господину Дею, что его протеже закончила обучение. Мэри-Энн научилась хорошо читать, правильно говорить, у нее выработался великолепный почерк. Она приобрела глубокие познания в области истории и английской литературы. Она научилась шить и вышивать, рисовать, играть на арфе.

Но она слишком зрелая для своего возраста, что создает некоторые проблемы воспитательницам. Яркая внешность мисс Фаркуар привлекает внимание жителей окрестностей. На нее глазек в церкви. Ее провожают долгими взглядами на улице. Ей через стену бросают записки. Какой-то молодой человек подавал ей знаки из окна дома, стоявшего напротив пансиона, и говорили, что мисс Фаркуар отвечала ему. Подобные происшествия будоражат это почтенное учебное заведение. Господин Дей, без сомнения, поймет все правильно, заберет свою подопечную и передаст ее на попечение родителей.

Господин Дей, который прибыл в Хэм в почтовом дилижансе, ни капли не удивился, когда услышал, что люди таращатся на Мэри-Энн в церкви. Он и сам не мог оторвать от нее глаз. Ее никто не назвал бы красавицей, но вздернутый носик и что-то в ее постоянно меняющемся взгляде придавали ей особую живость и очарование. Она понятия не имела о девичьей скромности. Она без всякого смущения бросилась к нему навстречу и принялась расспрашивать, как ему работается в качестве редактора.

– Нам разрешили читать «Морнинг пост», – сообщила она, – но для меня эта газета слишком скучна. Обо всех новостях можно узнать из «Паблик эдвертайзер». Когда нас отпускали в город, я обычно ее и покупала, а потом прятала под подушкой. К тому же мне ужасно не хватало ваших памфлетов и светских сплетен. Я слышала, что герцог Йоркский собирается жениться на германской принцессе с соломенными волосами. Теперь он не будет драться на дуэлях. А королю, как и раньше, не нравится господин Питт, и тори очень нервничают оттого, что французы так часто отрубают головы и мы можем этим от них заразиться.

Господин Дей подумал, что жизнь дома покажется его протеже ужасно скучной. Он понимал, что не может пойти на риск и посадить ее работать в типографии: печатный станок останется, и они не выпустят больше ни одной газеты. Лучше всего этой молодой женщине – он не мог больше называть ее девочкой – стать его экономкой. Он вдовец, а его дочь все еще живет в пансионе в Хэме. Из Мэри-Энн получится великолепная экономка, а потом, со временем, если его отношения с ней станут более теплыми, он подумает о дальнейших шагах. Только пока рано делиться с ней своими планами. Первым делом она должна вернуться домой и встретиться с родителями. Он ни секунды не сомневался в том, что очень скоро жизнь с ними утомит ее.

За три года у Фаркуаров произошли некоторые изменения. Они переехали из обшарпанного дома на Баулинг-Инн-Элли в новый, более просторный дом на Блэк-Рейвен-Пессидж, рядом с Керситор-стрит. Дом принадлежал господину Томасу Бурнеллу, известному резчику по камню и мастеру масонской ложи. Его контора находилась на первом этаже. Трое братьев Мэри-Энн все дни проводили в школе, дома оставалась только Изабель. Боб Фаркуар, такой же заботливый и добродушный, сильно растолстел, стал еще вульгарнее, обленился и гораздо чаще, чем раньше, прикладывался к бутылке.

Мэри-Энн пыталась поговорить об этом с матерью, но та, замкнувшись в себе, дала понять, что у нее нет желания обсуждать подобные вопросы.

– У любого мужчины есть недостатки, – только и ответила она. – Не один, так другой.

Под «другим», как предположила Мэри-Энн, подразумевались женщины. Ее отчим иногда возвращался домой очень поздно, и, когда она видела, как он виновато отводит глаза и еле

держится на ногах, у нее возникало желание ударить его. Страдальческое выражение теперь никогда не покидало ее мать. Она безмолвно жаловалась, и сердце Мэри-Энн разрывалось от жалости к обоим. Она была молода и весела, жизнь била в ней ключом, и ей очень хотелось, чтобы все вокруг тоже были счастливы. Однако целыми днями она вытирала в доме пыль, учила Изабель считать, ходила по магазинам. Ей пока еще нравилось, что ее везде сопровождает Чарли, однако она стала все чаще обращать внимание на разницу в возрасте. Она смотрела на него глазами взрослой женщины, и, когда он начинал упрашивать ее рассказать сказку, вместо историй о сорока пяти и серебряной пуговице она рассказывала о своих любовных приключениях в Хэме.

– Ну а потом что было?

– Естественно, я не ответила на его письмо. Я его выбросила.

– Это с ним ты встречалась в церкви?

– Нет, с другим.

– А кто из них тебе больше всего понравился?

– Никто. Ведь они всего-навсего мальчишки.

Но махать из окна своим поклонникам было довольно интересно, а на Блэк-Рейвен-Пес-сидж махать было некому.

После Рождества Боб Фаркуар, который последнее время приходил домой часа в три ночи, не пришел вовсе. Никто его не видел. Он не появлялся ни в типографии, ни в кофейне, ни в пивной. Решили, что с ним случилось несчастье, стали наводить справки, но все безрезультатно. Наконец через восемь дней, когда его безутешная вдова уже подбирала креп на траурное платье, от него пришла коротенькая записка, в которой сообщалось, что Боб Фаркуар ушел из дома навсегда, что в типографии он больше не появится и что он будет жить с одной женщиной в Дептфорде.

Госпожа Фаркуар, обессиленная, рухнула в кресло. Она призналась, что у нее уже давно были кое-какие подозрения. Ей удалось за эти годы скопить немного денег на черный день. И черный день пришел. Но сэкономленных денег надолго не хватит. Нужно было что-то делать.

– Но ему придется давать тебе денег, – сказала Мэри-Энн. – Суд заставит его.

– Нет такого закона, который может заставить человека делать то, что он не хочет.

– Значит, надо изменить законы, – заключила Мэри-Энн.

Несправедливость. Всегда в отношениях между мужчиной и женщиной царит несправедливость. Мужчины издают законы, которые устраивают их самих, а женщины страдают от этих законов. Существует единственный способ одержать верх над мужчинами: противопоставить им всю свою хитрость и коварство и выйти из этой битвы победительницей. Но когда, и как, и где?

– Если бы мне удалось найти богатого человека, я завтра же ушла бы к нему, – сказала она господину Дею.

Господин Дей не ответил. В тот момент, когда она произносила эти слова, она была очаровательна. Его так и подмывало сделать ей предложение определенного рода, но он проявил осторожность. Ему самому еще надо было привыкнуть к этой мысли. К тому же не хотелось, чтобы к нему в дом переехала и госпожа Фаркуар, и весь выводок неуправляемых мальчишек. У него были совсем другие планы.

– Конечно, – сказал он, – твоя мать сможет сослаться на свой статус замужней женщины, когда торговцы потребуют от нее уплаты по счетам.

– Что значит «статус замужней женщины»?

– Это когда муж, а не жена несет ответственность за оплату счетов. Никакие претензии не могут быть предъявлены жене.

Это было уже кое-что. Однако легче им не стало, так как все лавочники, узнав, что ее отчим бросил мать, уведомили, что больше не будут отпускать ей товар. К тому же нечем было

платить за квартиру. Господин Бурнелл выкинет их на улицу. Надо бы увидеться с ним. Может, ей удастся уломать господина Бурнелла.

– Можно, я пока буду править оттиски? – умоляла она господина Дея. – Я же делала это. И сейчас могу.

Она так просила, что господин Дей не смог отказать, но он поставил условие, что забирать и относить оттиски будет Чарли. Нечего молодой девушке болтаться по Флит-стрит.

Следующим шагом Мэри-Энн было выяснить у господина Бурнелла, могут ли они оставаться на Блэк-Рейвен-Пессидж.

Господин Бурнелл жил в прекрасном доме в другой части города, а контора на Блэк-Рейвен-Пессидж была ему удобна только потому, что она была расположена рядом с его каменоломней на Керситор-стрит. Томас Бурнелл приобрел известность своей отделкой нескольких церквей и недавно был назначен каменщиком Внутреннего Темпла. Он давно добивался этого доходного места, которое, как ему было известно, стало предметом зависти всех его коллег. Весть о его новом назначении разнеслась мгновенно, и господин Бурнелл как раз принимал поздравления от посетителей, когда к нему в контору вошла Мэри-Энн. Он был очень занятым человеком, поэтому едва ли замечал, как идет жизнь у Фаркуаров. Вполне приличные люди, считал он, не доставляют ему никаких неприятностей, платят всегда вовремя – большего от них и не требуется. Он пару раз видел их дочь, когда она вернулась из пансиона, но никогда не приглядывался к ней. Должно быть, это она и есть, пришла поздравить его с новым назначением.

– Вы – мисс Фаркуар? Да. Я не был уверен... Большое спасибо... Вы очень любезны...

Ну, прямо-таки настоящая молодая дама – даже удивительно. Отец-то у нее самый обычный рабочий. Итак, она знает о скульптурах в Калворте и в Марстон-Сен-Лоуренсе? Читала о них в газетах? Приятно, что запомнили. Да, действительно, его работа в Калворте оказалась самой удачной.

Он не сразу сообразил, что посетители уже ушли и мисс Фаркуар рассказывает о своем отчине-негодяе, который бесследно исчез, не оставив им ни гроша, чтобы заплатить за квартиру.

– Вот я и спрашиваю, господин Бурнелл, не собираетесь ли вы теперь, когда у вас так много работы во Внутреннем Темпле, взять себе подмастерьев? Но ведь их придется кормить, им надо где-то жить. Насколько мне известно, моя мать с радостью разместит их в нашей квартире – ведь оттуда рукой подать до вашей мастерской на Керситор-стрит. Если вас это устроит, мы будем платить за квартиру по-старому, а вам не придется искать новых квартиросъемщиков.

Она говорила очень быстро, на ее личике светилась обезоруживающая улыбка, и он внезапно обнаружил, что соглашается со всеми ее предложениями. Конечно, он будет нанимать подмастерьев. Сколько комнат они смогли бы выделить для учеников? Наверное, только две, призналась она, но двум постояльцам будут обеспечены все удобства. Когда постояльцев больше двух – это уже толпа, господин Бурнелл сам это понимает, и они могут буянить и хулиганить, а любой скандал только повредит репутации господина Бурнелла.

У господина Томаса Бурнелла даже не было времени высказать свои сомнения. И не успел он серьезно задуматься над ее предложением, как Мэри-Энн уже все решила сама, заплатила ему вперед за три месяца (эти деньги она одолжила у господина Дея), скрепив тем самым только что заключенную сделку, и поднялась наверх, чтобы сообщить матери о том, что им придется несколько потесниться. Господин Бурнелл подумал, что все само решится по ходу дела, к тому же это не так уж и важно. Что значат эти пустяки на Блэк-Рейвен-Пессидж по сравнению с грандиозными событиями во Внутреннем Темпле.

Однако Мэри-Энн пришлось столкнуться с трудностями. Ее мать всегда настороженно относилась к любым новшествам.

– Постояльцы! – воскликнула она. – Они будут ходить в грязных башмаках и повсюду раскидывать свое барахло.

– Твои сыновья давно так поступают. Ну, еще двое – разница невелика.

– А в какие комнаты мы их поселим?

– На чердаке есть две отличные комнаты.

– Я не представляю, как буду их кормить. У них наверняка зверский аппетит.

– Они будут платить в соответствии со своими аппетитами, не забывай об этом.

– Не знаю, что и сказать, Мэри-Энн. Постояльцы. Нам не пристало держать постояльцев.

– Нам не пристало голодать под забором. А именно это нам и предстоит, если мы не возьмем постояльцев.

– Мне кажется, тебе надо посоветоваться с господином Деом.

– Господина Дея это не касается.

Госпожа Фаркуар протестовала, мальчики ворчали, но Мэри-Энн делала так, как считала нужным. Чердак почистили, помыли, развесили на окнах занавески, в магазине в Холборне заказали циновки и все расходы записали на счет господина Бурнелла.

– Очень хорошо, очаровательно, – заключил господин Бурнелл после тщательного осмотра обеих чердачных комнат, не ведая, что платить за это придется ему. – Посмотрим, что получится из этой затеи. Одним постояльцем будет Джеймс Бертон, шотландец, как и вы, госпожа Фаркуар. Он подает большие надежды. Ему нужно на время где-то устроиться – вот я и предложил ему остановиться здесь. А второй – это мой новый подмастерье. Его зовут Джозеф Кларк – он сын моего старого друга, может, вы слышали о нем, Томас Кларк, строитель в Сноу-Хилле. И один и другой – очень уважаемые люди, с ними у вас не будет никаких хлопот.

И господин Бурнелл с головой погрузился в свою работу во Внутреннем Темпле, а госпожа Фаркуар превратилась в комок нервов.

– Вряд ли эти господа ожидают, что их поселят на чердаке, – сказала она. – Стоит им только взглянуть на комнаты, как они тут же сбегут.

– Глупости! – отрезала Мэри-Энн. – Шотландцы всегда думают только о своем кармане, а у нас тут дешевле, чем где бы то ни было. Если второй постоялец молод, он будет крепко спать, а ты знаешь: чем жестче постель, тем слаще сны. Но только не упоминай слова «чердак». Комнаты на третьем этаже.

Несколько заключительных штрихов: пара картинок на стене, красиво подпернутые занавески, поправленное зеркало. Осталось только встретить новых жильцов.

К сожалению, Мэри-Энн не было дома в тот самый момент, когда прибыли господин Бертон и господин Кларк. Она планировала, что они с матерью примут их в гостиной (которую раньше называли общей комнатой – но этого названия в Хэме никто не упоминал) и после непродолжительной светской беседы она проводит молодых людей на третий этаж и даст им возможность разобрать вещи. А потом они спустятся к обеду, вовсе не к ужину, который будет подан в шесть.

Судьба распорядилась иначе. Забежав в типографию на Флит-стрит к господину Дею, чтобы занять еще денег, Мэри-Энн вернулась домой позже, чем рассчитывала. Она нашла свою мать в страшном возбуждении.

– Они приехали, – сообщила та, – я не очень хорошо представляла, что мне надо делать, поэтому сразу же проводила их в комнаты. Один из них вскоре спустился и сказал, что обедать не собирается. Второй все еще наверху, он дважды вызывал меня. Один раз, чтобы сказать, что шкаф слишком мал, а второй – чтобы спросить, кто будет чистить ему ботинки. Может, я проявила слабость, но я попросила его подождать твоего возвращения, сказала, что ты все уладишь.

Щеки госпожи Фаркуар заливал яркий румянец, ее грудь часто вздымалась от постоянной беготни вверх и вниз по лестнице.

– Ты все сделала правильно, – сказала Мэри-Энн. – Я разберусь с ним. – Она положила руку на перила и помолчала. – Что они собой представляют? – наконец прошептала она.

– Я не очень хорошо разглядела того, кто ушел, – ответила госпожа Фаркуар, – а второй – высокий и темноволосый.

Сверху послышались глухие удары. Постоялец колотил в дверь. Госпожа Фаркуар забеспокоилась.

– Это значит, ему что-то понадобилось, – сказала она. – Те два раза он тоже так стучал.

Мэри-Энн стала подниматься наверх. Ее глаза гневно сверкали, она была готова к сражению. Не успела она добраться до верхней площадки, как одна из дверей чердачных комнат распахнулась и перед Мэри-Энн возник молодой человек в рубашке из тонкого полотна и с шелковым галстуком.

– А! – воскликнул он. – Вы вовремя! Я начал уже бояться, что мне придется босиком скакать по этим лестницам. У меня грязные ботинки. Не могли бы вы их почистить?

Мэри-Энн внимательно оглядела его. Ей очень хотелось дать ему пощечину, изо всей силы. Ее совершенно не волновало, что перед ней очень красивый молодой человек. В первую очередь нужно думать о деле и о том, что она в этом доме хозяйка.

– Мы можем предоставить вам эту услугу, – холодно проговорила она, – но она не входит в плату за жилье и питание. За это вам придется платить особо.

Она отдаст его ботинки Чарли, или Джорджу, или Эдди. Мальчики будут чистить их по очереди. Работать они могут позади кухни – там их никто не увидит.

– Меня не волнует, кто чистит мои ботинки, – проговорил молодой человек. – Главное, чтобы этот человек хорошо выполнял работу. Я очень привередлив.

Он чувствовал себя неуютно под ее холодным взглядом. Он ожидал, что явится простая служанка. Но то, что он увидел, заставило его на мгновение потерять дар речи.

– Прошу прощения, – сказал он, – но с кем я имею честь разговаривать? Меня зовут Джозеф Кларк. К вашим услугам.

– Я Мэри-Энн Фаркуар, – ответила она. – Я веду все дела в доме. Как я понимаю, ваш товарищ будет обедать в городе. Вы тоже пообедаете в городе?

Мгновение он колебался. Он скосил глаза на разбросанные по всей комнате вещи: на сваленные на кровати фраки, галстуки – он готовился выйти в город и зайти в какой-нибудь ресторан. Потом он перевел взгляд на Мэри-Энн.

– Нет, – ответил он. – Если вас не затруднит, я предпочел бы пообедать дома.

Глава 5

В первый же вечер Джозеф Кларк дал им всем понять, что ему не обязательно зарабатывать себе на жизнь. Его отец достаточно богат, поэтому молодой человек может позволить себе побездельничать. Но у него есть талант, а его отцу не хотелось бы, чтобы талант сына пропадал попусту. Вот поэтому он и появился у Томаса Бурнелла.

– Естественно, – беспечно разглагольствовал он, – меня ничто не связывает. Я не такой, как обычные подмастерья. Я уйду от Бурнелла когда захочу и, возможно, заведу свое дело. Я еще не решил.

Фаркуары разглядывали его с большим интересом. Мальчики, которые впервые в жизни сели к столу с вымытыми руками и уложенными на прямой пробор волосами, сидели молча, выражая безмерное уважение. Изабель же молчала потому, что испытывала благоговейный трепет перед ним. Их мать, крайне возбужденная тем, что впервые за много лет в их доме произошло такое интересное событие, пыталась вспомнить, в какой момент подавать вино и будет ли с точки зрения этикета правильно, если она подаст к столу сыр. К счастью, все ее ошибки исправляла дочь. Если кто-то из мальчиков тянул руку через стол, его встречал нахмуренный взгляд. Если кто-то из них нечаянно икал, то получал пинок под столом. Вторая порция, которую попыталась взять Изабель, была выхвачена у нее из-под носа и с улыбкой передана посто-яльцу.

Постоялец ничего не замечал. Он был слишком увлечен рассказом о самом себе.

– Мой отец ушел в отставку, – говорил он, – и теперь делом в Сноу-Хилле управляют мои братья. Они процветают. Мой младший брат только что поступил в Кембридж. Он собирается стать священником. А вы когда-нибудь встречались с моим дядюшкой, олдерменом Кларком? В один прекрасный день он обязательно станет лорд-мэром Лондона.

Постоялец пил вино: он гурман. Постоялец отказался от сыра: он разборчив. Да, действительно (в ответ на вопрос госпожи Фаркуар), он никогда не ест ничего жирного. У него очень нежный желудок. Нежный ребенок превратился в утонченного и изнеженного молодого человека.

Есть еще одна причина, почему он не может долго работать, – он быстро устает. Но тогда лучше жить в деревне, на свежем воздухе, не так ли? Постоялец сморщился от отвращения. В деревне он с ума сошел бы от скуки. Чем же он занимается в свободное время? Он сознался в своем пристрастии к азартным играм, но только когда за столом сидят умелые игроки и когда ставки высоки. В некоторой степени его интересуют скачки. В прошлом сезоне он уговорил своего старшего брата купить коляску. Они заключили пари, что доскачут на ней до Брайтона, и выиграли двести фунтов. Ему нравится музыка, ему нравится петь, посещать игорные заведения. Политика его не интересует, не стоит тратить время на обсуждение событий дня.

– Мы пришли в этот мир для того, чтобы развлекаться, – сообщил он, – делать то, что нам нравится. Вы согласны, мисс Фаркуар?

Мисс Фаркуар была согласна. Обед еще не закончился, а она уже успела забыть, что он просил ее почистить ему ботинки. Этот молодой человек с печальными глазами, с римским носом, с томными манерами так отличался и от прыщавого мальчика, который глазел на нее в церкви, и от долговязого юнца, который так страстно махал ей из окна дома, стоявшего напротив пансиона в Хэме.

Во Франции таким, как он, отрубают голову. Он, должно быть, сбежал с повозки для осужденных. Каждый его жест был исполнен романтики. Позже, когда обед закончился и мать, помахав им рукой, исчезла на кухне вместе с мальчиками и Изабель, они оказались вдвоем и он признался ей, что после смерти матери он был очень несчастен в доме отца.

– Мой отец никогда не понимал, что у человека может меняться настроение, – говорил он, – сейчас оно хорошее, а через мгновение можно впасть в депрессию. Единственное, что имеет вес в его глазах, – это твердое соблюдение всех установленных правил. Временами от усталости я прямо обессилялся. Он называл это бездельем. Мне нужно приятное общество, которое вдохновляло бы меня. А он считал, что я общаюсь со всякими подонками. Все дело в том, что меня никто не понимает.

Мэри-Энн внимала ему, приоткрыв рот от восхищения. В течение трех лет она слушала только болтовню девочек, и единственным мужским голосом был голос ректора из Хэма, который по воскресеньям приезжал в пансион. Давным-давно ей было интересно слушать споры приятелей ее отчима, но сегодня все было по-другому. Впервые в жизни она была наедине с красивым молодым человеком, который горел желанием излить кому-нибудь душу. Сердце возобладало над разумом.

– Когда я сегодня вечером увидел тебя на лестнице, я почувствовал, как между нами возникло взаимное влечение. А ты?

Тогда ей хотелось дать ему пощечину, но сейчас это не имело значения. Что было, то прошло. Вино, которое редко появлялось у них в доме, развязало ей язык.

– Честно говоря, из тех, кого я знаю, мне никто не нравится, – ответила она. – Помогать матери вести хозяйство – скучно. Мне хочется большего от жизни.

Чего же ей хотелось? Она не знала. Но когда она заметила его восхищенный взгляд, какое-то неведомое чувство зашевелилось в ней. Девушку, только что покинувшую закрытый пансион, оцепеняла близость этого молодого человека, который объединял в себе и художника, и джентльмена. Благообразные манеры Хэма смягчили на некоторое время остроту восприятия девочки из низших слоев лондонского общества. К пятнадцати годам ее чувственность обрела полную силу, сердце забилося чаще, но интуиция притупилась.

Мэри-Энн созрела для своего первого любовного приключения. В этот момент ей подошел бы любой. Рабочий из типографии господина Хьюэса; сын мясника; незнакомец, который, выйдя из дилижанса в Холборне, приподнял бы при виде нее шляпу, – все эти образы были основой ее мечты, а сейчас мечта приобрела конкретные очертания в лице Джозефа Кларка, двадцати одного года от роду.

Необходима была только близость, возможность жить под одной крышей. Блэк-Рейвен-Пессидж была не намного шире, чем Баулинг-Инн-Элли, но со ступенек нового дома луна казалась красивее. Небо было бездонным, а сточные канавы не так бросались в глаза. Из окна чердачной комнаты были видны звезды, и можно было не обращать внимания на то, что взбесившийся от ревности младший брат стучит снизу в потолок.

Джеймс Бертон, второй постоялец, не мешал им. Ему было тридцать, он много работал, у него было много друзей, и приходил он только ночевать. Джозеф и Мэри-Энн были предоставлены самим себе.

Первый поцелуй удивил ее. Еще девочкой ее не раз тискали сверстники с Баулинг-Инн-Элли, они хихикали, щипали друг друга. Так, дурачество. Сейчас же Мэри-Энн столкнулась с иным. Джозефу Кларку, подмастерью, еще предстояло показать, чего он стоит как резчик по камню, но ему не нужны были никакие доказательства его мастерства как любовника. Он не был ни груб, ни резок, он был решителен. Невинные поцелуи не для него, он никогда не будет бормотать: «Прости меня».

Мэри-Энн в полной мере познала сладкую муку и восторг первого объятия. Ошеломленная, счастливая, она вернулась в свою комнату. Но внутренний голос предупреждал ее: «Мама не должна об этом знать».

И Чарли, полный подозрений, подглядывавший через приоткрытую дверь, Чарли, который заметил, что у него носки рваные, а у постояльца – заштопанные, что ему за обедом подадут куриную ножку, а постоялицу – белое мясо, – он тоже не должен знать.

Мэри-Энн влюбилась. Она могла думать только о Джозефе. Когда Джозефа не было, день тянулся бесконечно. Она выдумывала различные предлоги, чтобы несколько раз на дню забежать к нему в мастерскую. Он бросал работу и приближался к ней медленной и легкой походкой, приводившей ее в восхищение. Они стояли возле стены и разговаривали, и она знала, что другие подмастерья разглядывают, оценивают ее, соединяют их имена, и это еще больше возбуждало.

Однако мир взрослых отнесся к этой первой любви враждебно, неодобрительно. Первую любовь нужно прятать от посторонних глаз.

– Ты вчера очень поздно легла. Я слышала, как ты закрывала дверь. Чем ты занималась?

– Я болтала с Джозефом Кларком.

– А господин Бертон был с вами?

– Нет... Он ушел.

Ее слова были встречены молчанием и холодным взглядом. Больше ничего сказано не было, но Мэри-Энн вспомнила о том молчании, о тех холодных взглядах, которыми мать провожала Боба Фаркуара, когда тот брал свою трость и отправлялся подышать свежим воздухом. Теперь она понимала его и сочувствовала. Все нужно держать в тайне.

– Госпожа Фаркуар, вы позволите мне пригласить мисс Мэри-Энн прогуляться со мной после обеда? Обидно сидеть в доме, когда на улице такая восхитительная погода.

– Прогуляться? Я думала, она побудет со мной. Нужно кое-что зашить, а она знает, что я плохо вижу.

– Мама, шитье можно оставить до утра, когда будет светло.

– Не понимаю, почему нужно отправляться на прогулку, когда дома так удобно.

Немой упрек, вздох, усталая рука, тянущаяся к корзинке с шитьем. Разве ее мать может знать, как прекрасно идти по Ладгейт-Хилл под руку с Джозефом Кларком, любоваться собором Святого Павла, залитым лунным светом? Мэри-Энн сделала знак своему возлюбленному, чтобы тот шел на улицу, и, дождавшись, когда мать примется за работу, Мэри-Энн выскользнула из дома.

– Можно мне с вами? – спросил Чарли, тоже не одобрявший ее поведения.

– Нет.

– Почему?

– Мы не хотим, чтобы ты шел с нами. – А потом, сжавшись: – Ну ладно, только до Флит-стрит.

Эта прогулка в толпе людей, спешащих в пивные и кофейни, служила оправданием позднего возвращения домой. Узкие переулки и тупики были для них пристанищем, темные подъезды – убежищем от дождя, бьющие полночь часы собора Святого Павла были эхом произнесенных слов:

– Мэри-Энн, я не могу жить без тебя.

– Но что нам делать? Куда нам деться?

Первый всплеск страсти и радость открытия сопровождались необходимостью соблюдать тайну, и это влекло за собой все возможные трудности – их приводил в ужас скрип двери, они рисковали свалиться с темной лестницы, спотыкались в темноте. Все эти звуки будили спящий дом. Из страха им приходилось спешить в те мгновения, которые должны были бы длиться вечно; они отказывались от ласки и нежности, чтобы успеть подойти к заключительному действию.

Их страсть росла, однако условия жизни не менялись. В их распоряжении была только гостиная. Именно здесь в одно апрельское утро госпожа Фаркуар, которая сделала вид, будто ее разбудил шорох крысы за стеной, а на самом деле давно обо всем подозревала, и нашла их, спустившись по скрипучей лестнице.

Бегство было невозможно. Их поймали с поличным. Сразу же полились слезы – но плакала не Мэри-Энн, а ее мать.

– Как же ты могла? Как ты могла забыть все, чему я учила тебя? Тайком красться по ночам в гостиную, как будто ты самая обыкновенная уличная шлюха. А вы, Джозеф Кларк, вы, сын достойного человека, как вы посмели так вести себя в моем доме, зная, что у Мэри-Энн нет отца?

Весь дом был на ногах. Мальчики кубарем скатились вниз.

– Что случилось? Что они натворили?

Джеймс Бертон, сразу же смекнувший, в чем дело, быстренько убрался в свою комнату.

Позор. Она даже предположить не могла, что с ней случится такое. Ее тайна раскрыта, их застали вместе, ее поставили в глупое положение, заставив почувствовать себя виноватой нашкодившей девчонкой.

– Мне все равно, – заявила Мэри-Энн. – Я люблю его. И он любит меня. Мы собираемся пожениться. Не так ли, Джозеф?

Почему же он не отвечает? Почему у него такое глупое выражение? Что он там бормочет, будто не уверен в своем будущем, будто ему надо получить разрешение у отца, что они слишком молоды, чтобы жениться? Зачем он говорит, будто они действительно слышали крыс?

– Но это неправда. Мы не занимались поисками крыс. Мы действительно любим друг друга. И собираемся пожениться.

Мэри-Энн, чувствующая себя оскорбленной, резко повернулась к матери. Джозеф молчал, его красивое лицо исказила слабая глуповатая улыбка.

Возможно, воспоминания о господине Томпсоне и о «лучших днях» придали госпоже Фаркуар новые силы. Она почувствовала, что в ней просыпается бывшая гордость.

– Никакой речи о свадьбе быть не может. Завтра же утром Джозеф Кларк уберется из моего дома. Я дам сопроводительное письмо к господину Бурнеллу. Мэри-Энн, тебе еще нет шестнадцати, поэтому ты находишься под моей опекой. Пожалуйста, отправляйся к себе в комнату.

Буря закончилась. Пришло время последствий. Мэри-Энн поднялась к себе и заперла дверь. Теперь настала ее очередь плакать. Слезы текли вовсе не потому, что ей пришлось перенести такой позор, – она вспоминала Джозефа, испуганного, неловкого, неспособного сказать слово в защиту их любви.

Она пробыла в своей комнате весь день. Она слышала, что наверху двигают мебель, что по лестнице пронесли чемоданы. Испуганная Изабель принесла ей поесть, но Мэри-Энн ни к чему не притронулась.

Она уже больше не была мисс Фаркуар, которая ведет все дела в доме. Она была пятнадцатилетней, влюбленной до безумия девочкой, которую обидели и опозорили.

Создавалось впечатление, что в доме траур. Голоса звучали приглушенно. Приходили люди. Сначала зашел господин Бурнелл. Потом – господин Дей. Неужели третьим посетителем окажется директор пансиона в Хэме? Неужели ее собираются отправить обратно?

«Не поеду! – сказала она себе. – Сбегу».

Внезапно Мэри-Энн страшно захотелось увидеть отца. Он понял бы все. Он погладил бы ее по плечу, подмигнул бы и сказал: «Значит, мартышка промахнулась. Где же ее богатый муженек?»

Есть единственный способ разобраться в хаосе, царившем в ее голове. Немедленно найти Джозефа и взять с него слово жениться на ней. Разрешение его отца не играет роли – Джозеф уже совершеннолетний. К тому же он говорил ей, что деньги не имеют для него особого значения. Его отец богат. Джозеф может поступать по своему усмотрению: работать или нет. Он мог бы уйти от господина Бурнелла и основать свое дело или вообще ничем не заниматься. Как только они с Джозефом поженятся, все уладится. К тому, на что сейчас смотрят с осужде-

нием, будут относиться снисходительно. Замужняя женщина всегда поступает правильно. Ее мать смягчится.

К Мэри-Энн вернулся ее природный оптимизм. Нужно только получить согласие матери и разыскать Джозефа – и ее будущее обеспечено.

Однако госпожа Фаркуар совершенно иначе смотрела на будущее своей дочери. У нее были другие планы.

– Я не собираюсь обсуждать то, что произошло, – в ту же ночь заявила она дочери. – Я виновата, что пустила постояльцев в свой дом. Мне с самого начала не нравилась эта идея. И события подтвердили, что я была права. Джозеф Кларк уехал отсюда навсегда. Он уволился от господина Бурнелла. Господин Бурнелл, как истинный джентльмен, пришел в ужас от его поступка и написал его отцу. Мы избавились от него.

– Куда уехал Джозеф?

– Я не интересовалась. Будь мне это известно, я ни за что не сказала бы тебе. Подобный вопрос не должен волновать тебя, так как ты тоже уезжаешь.

– Если ты собираешься вернуть меня в Хэм, я отказываюсь. Я уже выросла из того возраста, когда положено ходить в школу.

– Я говорю не о школе. Об этом нет и речи. Ты будешь экономкой у господина Дея.

Мэри-Энн расхохоталась:

– Ты, должно быть, сошла с ума. Я видела его дом в Айлингтоне – такой чопорный и печальный. К тому же господин Дей меня совершенно не интересуется, он страшный привереда и зануда.

Мать посмотрела на нее с неодобрением. Так вот как дочь отвечает на заботы ее благодетеля. «Привереда и зануда».

– Господин Дей проявил исключительное великодушие. Я обо всем ему рассказала, и он согласился с тем, что ты нуждаешься в покровительстве, в отцовской опеке. Став его экономкой, ты получишь его покровительство. После вчерашнего я поняла, что ты для меня – слишком большая ответственность.

– Прекрасно.

То, что девушка внезапно передумала, должно было бы насторожить госпожу Фаркуар. Но она была слишком занята тем, чтобы увести свою дочь с порочной дороги, и не придавала этому значения.

Для Мэри-Энн подобный поворот событий решал все вопросы. Она будет предоставлена самой себе и, сразу же после ухода господина Дея в типографию, сможет отправляться на поиски Джозефа. Проще и быть не может.

В доме снова все вошло в свою колею. Мальчики весело насвистывали, все, кроме Чарли, который стал часто плакать и не хотел признаваться в причине своих переживаний.

На следующее утро Мэри-Энн села в наемный экипаж и поехала в Айлингтон. Ее встретил господин Дей, который показался ей более мрачным, чем в их первую встречу, но все таким же приветливым. Позже, вручая ей ключи от кладовой, он выглядел намного веселее.

– Я думаю, мы отлично подойдем друг другу, – сказал он. – Полагаю, ты не будешь скучать по дому и не будешь ни о чем сожалеть.

Она спросила его, когда он уходит в типографию и в котором часу подавать ему завтрак. Господин Дей удивленно взглянул на нее.

– Разве твоя мать не сказала тебе? – спросил он. – Я ушел из типографии. Я принял это решение недавно. Я собираюсь сидеть дома, читать книги и заниматься другими интересными делами. Кстати, последнее мы можем делать вместе. Мы отлично поладим. Когда придет моя дочь, она присоединится к нам. А пока тебе придется довольствоваться моим обществом.

Он улыбнулся и галантно поклонился. Все это было полнейшей нелепостью. Когда Мэри-Энн соглашалась стать у него экономкой, она не предполагала, что мистер Дей будет сидеть

дома. Она рассчитывала в половине девятого закрывать за ним дверь. Значит, они с матерью сговорились, все сделано для того, чтобы не выпускать ее из-под наблюдения.

Мэри-Энн была несправедлива к матери. На самом деле все задумал господин Дей. Он действительно ушел из типографии и прекрасно себя чувствовал. Но рассказы госпожи Фаркуар о прегрешениях дочери разожгли его воображение. Эту девушку нужно наказать, но таким образом, чтобы наказание принесло удовольствие им обоим.

И хотя Мэри-Энн рассчитывала запирать за ним дверь в половине девятого утра, все сложилось иначе и ей пришлось захлопнуть у него перед носом дверь в половине одиннадцатого ночи. Уставшая от событий последних дней, она отправилась спать довольно рано, но, услышав стук в дверь, решила, что с ним что-то случилось, что он заболел, что в доме пожар. Открыв дверь, она увидела полного надежд господина Дея с подсвечником в руках и в ночном колпаке. У него был дурацкий и отталкивающий вид.

– Тебе одиноко? – спросил он.

И она все поняла. Она захлопнула дверь и повернула ключ. Вещей она не взяла. При первых проблесках зари она спустилась по проходящей рядом с окном водосточной трубе. Так вот зачем он отправил ее учиться в Хэм. Но он не принял в расчет возможность появления Джозефа, который одержал над ним верх.

Глава 6

Ей хватило денег, чтобы нанять экипаж. Она покинет Айлингтон точно так же, как и прибыла сюда, – она не будет бродить по улицам в столь ранний час, рискуя встретить господина Дея. Ей преподали урок, и она оказалась хорошей ученицей. Но основная сложность заключается в том, что никто ей не поверит, и в первую очередь мать. Как, этот уважаемый господин Дей оказался волком в овечьей шкуре? Никогда не поверю! Мэри-Энн наверняка все выдумала. Господин Дей сам расскажет, как все было. Когда мужчине за сорок, ему можно спокойно доверить пятнадцатилетнюю девочку.

Трясаясь в экипаже по дороге в Холборн, Мэри-Энн решила, что, во-первых, надо всегда помнить: внешность человека ничего не значит, под великодушием могут скрываться другие мотивы, а когда благодетель – мужчина, у него только один мотив. Во-вторых, нельзя возвращаться домой до тех пор, пока она не выйдет замуж, и тогда, имея обручальное кольцо и свидетельство, она обретет власть над матерью. Мэри-Энн превратится в благодетельницу. У снохи богатого господина Кларка из Сноу-Хилла будет совершенно другой статус по сравнению с мисс Фаркуар с Блэк-Рейвен-Пессидж. Отпадет необходимость сдавать комнаты постояльцам. Ее мать, Изабель и мальчики увидят лучшие дни, которые будут тянуться до бесконечности. Госпожа Джозеф Кларк будет их всех содержать.

У нее ничего не было, кроме одного платья и нескольких шиллингов в крохотном кошельке, но она была молода и полна надежд.

Мэри-Энн с достоинством вышла из экипажа и заплатила извозчику. Потом она отправилась во Внутренний Темпль разыскивать Джеймса Бертон. Да, все правильно. Джозеф ушел от господина Бурнелла. Тут был такой переполох, сообщил Джеймс Бертон. Джозеф разорвал свой договор на мелкие кусочки и швырнул их в господина Бурнелла. Господин Бурнелл обозвал Джозефа бездельником и совратителем малолетних. А Джозеф назвал господина Бурнелла развратником и скрягой.

– Ну хорошо, – нетерпеливо проговорила Мэри-Энн, – а где сейчас Джозеф?

– Он снимает комнату в Клеркенуэлле, – ответил Бертон. – У меня есть адрес. Ему в голову взбрела идея отправиться в Америку. Вчера вечером я позвал его с собой в город, и он здорово напился. Мы закончили наш поход в «Ринг О’Беллз» в три часа утра. Джозефу посчастливилось выиграть десять фунтов в карты. Если вы собираетесь к нему, имейте в виду, он сейчас спит.

Дом в Клеркенуэлле, хотя и стоял на улице, а не в переулке, очень отличался от опрятного домика госпожи Фаркуар. Входная дверь была открыта настежь – заходи кто хочет. Худенькая девочка, ползая на коленях, скребла грязную прихожую, а за ней наблюдала женщина с нарумяненными щеками. Кругом царила атмосфера затхлости и упадка.

– Кларк? Третий этаж, первая дверь, – мотнув головой, ответила женщина.

Приподнятое настроение Мэри-Энн успело улетучиться, пока она поднималась по узкой лестнице. Если гордость Джозефа не позволяет ему вернуться к отцу, он мог бы снять комнату в более приличном месте.

Как Джеймс Бертон и предполагал, Джозеф спал. Если он действительно сильно напился вчера, то по нему это было не очень заметно. Его лицо горело, но румянец очень шел ему. Он выглядел таким же невинным ребенком, как Чарли, и Мэри-Энн поняла, что она любит его больше всего на свете. Она прошла по комнате, на ходу прибирая валявшиеся вещи, потом прилегла рядом с ним.

Когда Джозеф проснулся и обнаружил Мэри-Энн рядом с собой, все его планы о путешествии в Америку скончались сами собой. Как и раньше, их близость оказалась роковой. К

тому же им не от кого было скрываться. В меблированных комнатах никто не задает вопросы, скрипящие половицы не представляют никакой угрозы.

Почти до самого вечера мир для них не существовал, они наслаждались близостью друг друга и свободой. Будущее было в их руках. Они могли делать с ним, что им хотелось.

– Ничего другого не нужно, – мечтательно проговорил Джозеф, – и так каждый день, каждую ночь. Не вставать рано, никаких Томми Бурнеллов, никаких планов.

– Нам придется есть, – напомнила Мэри-Энн, – к тому же мне не нравится эта комната. На окнах нет занавесок, и кровать узкая.

Он сказал ей, что у нее полностью отсутствует темперамент. Она сказала ему, что он совершенно лишен здравого смысла. В половине восьмого они отправились обедать.

Если наличность в карманах Джозефа и позволяла ему снять более приличную квартиру, то выбранный им ресторан был явно не по карману. Грязные пивные в подвалах не для него. Они пообедают в шикарном ресторане на Стрэнде. И отправятся они туда в экипаже.

Баранина и пиво? Бог мой, какой ужас! «Сладкое мясо» и легкое французское вино. Потом подайте дикую утку, но она должна быть очень слабо поджарена. Его манера разговаривать с официантом была замечательна, а расплачивался он вообще артистически. Официанты почтительно склонились перед ним. Мэри-Энн совершенно не волновало, что после обеда он нетвердо держался на ногах: он был так красив. Ему ничего не стоило опять нанять экипаж.

– А теперь куда? В Оперу? – предложил он, звеня мелочью в кармане. Это было, конечно, соблазнительно, но от выигранных им десяти фунтов почти ничего не осталось.

– Не сегодня, – покачала головой Мэри-Энн, успев вовремя подхватить его, иначе он бы рухнул.

Действительно, как хорошо, что в меблированных комнатах никто ни о чем не спрашивает.

Через несколько дней Мэри-Энн поняла, что именно ей придется заняться практическими вопросами их совместной жизни. Джозеф наслаждался свободой, и его единственным желанием было валяться в постели почти до вечера. После этого он выходил прогуляться.

– Зачем думать о том, что будет завтра? Зачем строить планы? – обычно спрашивал он и принимался обсуждать, куда бы им лучше пойти сегодня пообедать. Деньги? Фу! Не беспокойся. Денег достаточно. А когда они кончатся, он еще выиграет. Ну а если случится самое плохое, ему придется смирить свою гордыню и попросить денег у отца. А пока давай побездельничаем и будем любить друг друга.

Пока Джозеф сладко дремал на ее плече, Мэри-Энн обдумывала свои последующие действия. Во-первых, надо сообщить Чарли, где она живет, чтобы мальчик мог приносить ей одежду и другие необходимые вещи – а если получится, то и еду – из дома на Блэк-Рейвен-Песидж. Тут сложностей не возникло. Подавив свою ревность, Чарли с головой погрузился в это романтическое предприятие. Потомку клана Маккензи ничего не стоило выскользнуть из дома с корзинкой, наполненной булочками, и к тому же получить за свои труды шиллинг.

Он сообщил, что в доме все в панике. Господин Дей, у которого была своя версия пропавшего в Айлингтоне, утверждает, что Мэри-Энн – мошенница. Госпожа Фаркуар заявила о пропаже дочери. В газетах появились описания и Мэри-Энн, и Джозефа. Листовки с их приметам были расклеены на дверях пивных, магазинов и столовых.

– Вам надо переехать, а то вас поймают, – предупредил их Чарли. – И тогда состоится суд и вас отправят в тюрьму.

– Не могут же нас посадить только за то, что мы любим друг друга, – проговорила Мэри-Энн.

– Могут, потому что вы не женаты, – объяснил Чарли. – Я слышал, что так сказал господин Дей. Это называется жить в грехе, а уж он-то должен знать.

Действительно, он должен знать. Ведь он получил ответ в виде оставленной связки ключей.

– Тогда нам придется пожениться. Все идет к этому. Джозеф, ты слышишь?

Закинув ноги на спинку кровати и развалившись на подушках, Джозеф полировал ногти. Это приятное занятие клонило его в сон. Он зевнул.

– Я не знаю законов, – сказал он, – они меня не интересуют. Но тебе только пятнадцать, поэтому тебе нужно разрешение. Как же мы сможем получить его?

Это действительно трудная задача. Пока еще все преимущества на стороне матери... А что, если найти Боба Фаркуара? Найти и лестью, уговорами, а если потребует, угрозами и шантажом заставить его, как законного опекуна, дать ей необходимое разрешение? Зародившись в голове Мэри-Энн, эта отличная мысль зрела и приобретала конкретные очертания.

Никто не прилагал особых усилий, чтобы разыскать Боба Фаркуара. С самого начала это дело поручили господину Дею. Узнав получше господина Дея, Мэри не сомневалась, что тот был заинтересован в обратном результате. Господина Дея не устроило бы, если бы отчим нашелся. Мэри показалось, будто ей слышится знакомое хмыканье, она представила, как отчим подмигивает ей.

«Экономка? Чушь!» – сказал бы он ей.

Мэри-Энн вытащила подушки из-под головы Джозефа и заставила его подняться. Он удивленно уставился на нее, зевая. Какой же он никчемный, как тяжело заставить его что-то сделать, но он потрясающе красив.

– Что теперь?

– Одевайся быстрее. Мы отправляемся в Дептфорд.

Боб Фаркуар был неуловим. Он постоянно ускользал. Он был хитер. Двадцатилетняя работа над статьями о различных скандалах не прошла даром. Он знал все ходы и выходы, знал, когда надо исчезнуть, где спрятаться, как сделать свое любовное гнездышко безопасным и как избежать ответственности и порицаний жены.

Да, его видели в «Короне и якоре», но только три недели назад. А, такой огромный парень с искоркой в глазах? Да, но не в «Короне и якоре», а в «Белом олене». Пять, может, восемь дней назад. Они обошли все меблированные комнаты, но напрасно. В Дептфорде его не было. Наконец в последней гостинице, расположенной на лондонской дороге, они смогли выяснить что-то более конкретное.

– Фаркуар? Двое под этим именем останавливались здесь два дня назад. Муж с женой. Комната номер четыре. Они с дочерью сели в дилижанс, который отправлялся в Лондон.

Жена и дочь. Значит, брак зарегистрирован. А это уже двоеженство. За двоеженство могут сурово наказать.

– Они сказали, куда едут?

– Нет. Но я слышал, что девочка упоминала Панкрас-Филдс.

Это в Лондоне, на другом конце города. И раз так, не стоит ли им с Джозефом поискать другое жилье, чтобы сбежать от кредиторов?

В то утро, когда они отправились на поиски Боба Фаркуара, размалеванная и неряшливо одетая содержательница меблированных комнат в Клеркенуэлле держала в руках последний номер «Эдвертайзера» и довольно подозрительно смотрела им вслед. Чарли придется опять поработать посыльным. Надо отправить его собрать их вещи и привезти на новую квартиру. Их новым адресом стал Панкрас, расположенный на самой окраине Лондона. Если отчим действительно остановился где-то в этом районе, им не составит особого труда найти его. Местечко не больше деревушки, и только две пивные.

– Но это же край света, – протестовал Джозеф. – Вон через дорогу ферма, коровы бродят. Мы здесь умрем от скуки.

Попелуй, нежное слово, ласка – с ним так же легко справляться, как с Чарли. Она ушла, а Джозеф занялся развешиванием галстуков.

В пивных Боба Фаркуара не оказалось. В одной из них ей намекнули, что его можно найти в маленьком домике на другом конце Панкрас-Филдс. Когда Мэри-Энн вошла, Боб Фаркуар сидел за столом, а перед ним стояла тарелка с беконом, хлебом и сыром. Напротив сидели полная спокойная женщина, которой по виду можно было дать столько же лет, сколько отчиму, и которая никогда не знала «лучших дней», и некрасивая девочка, очень похожая на Боба Фаркуара.

«Кто бьет сильнее, тот и выходит победителем», – подумала Мэри-Энн. Она приготовилась нанести удар.

– Наконец мы тебя нашли, – сказала она. – Я привезла всю семью и двух адвокатов. Есть предложения?

К ее досаде, эти слова не произвели на отчима никакого впечатления. Он откинулся на спинку стула и вытащил из кармана газету.

– Я всегда читаю «Эдвертайзер», – сказал он. – «Пропала Мэри-Энн Томпсон, или Фаркуар, дочь Элизабет Маккензи Фаркуар, проживающей на Блэк-Рейвен-Пессидж, 2, Керситор-стрит. Не появлялась дома с семнадцатого апреля. Возраст: пятнадцать лет и девять месяцев. Приметы: глаза голубые, волосы светло-каштановые, приятной наружности...» – и так далее. Или ты уже успела прочитать?

Он швырнул ей газету, как в былые времена на Баулинг-Инн-Элли бросал ей оттиски, она машинально поймала ее.

– Раз уж мы оба оказались в одинаковом положении, сбежав от твоей матери, давай заключим мир, – предложил Боб Фаркуар. – Познакомься, это госпожа Фаркуар-вторая, или госпожа Фавори, как она себя называет. А это Марта, надежда нашей старости.

Притворяться и строить из себя важную даму было бесполезно. Через минуту Мэри-Энн уже сидела за столом и ела хлеб с сыром.

– Дело обстоит так, – сказала она. – Если я выдам тебя, ты поступишь точно так же со мной. Нам это ничего не даст. Мы с тобой повязаны.

– Ты здраво рассуждаешь, – ответил он.

– Ты двоеженец.

– А ты нуждаешься в порке.

– Мы с Джозефом знакомы всего восемь недель, но для меня он стал самым дорогим человеком.

– Я знаю госпожу Фавори семнадцать лет – столько времени мне понадобилось, чтобы выбрать между ней и твоей матерью.

– Ты так и метался между ними?

– Ну не мог же я быть одновременно в двух местах.

Госпожа Фавори, совершенно спокойная, пила чай и с улыбкой смотрела на них. Вспомнив молчаливые упреки матери, Мэри-Энн стало странно, почему ее отчим шел к этому решению целых семнадцать лет. Однако он и там, и здесь жил припеваючи. И ничего удивительного, что у Марты его нос и глаза.

– Итак, ты отдала свое сердце этому парню?

– Мы отдали свои сердца друг другу.

– И каковы перспективы?

– У него богатый отец.

– Это уже кое-что. А будет ли его отец играть по правилам?

– Будет, когда познакомится со мной.

– Гм. Выходишь замуж на скорую руку, да на долгую муку.

Она не собиралась семнадцать лет ждать Джозефа Кларка, как поступил ее отчим по отношению к госпоже Фавори.

– Ну ладно. Что ты от меня хочешь?

– Дай мне свое согласие как отец.

– Кто будет платить за разрешение?

– Джозеф. Он всегда делает так, как ему велят. Я все устрою. Мы можем обвенчаться здесь, в Панкресе. По дороге сюда я видела церковь.

Боб Фаркуар вздохнул.

– Нам опять придется переезжать, – проговорил он. – Если я распишусь в твоём брачном свидетельстве, меня сразу же найдут. Твоя мать потребует то, что ей причитается.

– Я позабочусь о маме.

– Ну, тогда пошли. Покажи мне своего красавчика.

Взаимные подозрения заставили обоих мужчин быть осторожными. Они были полной противоположностью друг другу: один – высокий, элегантный, с пренебрежительной улыбкой, другой – небольшого роста, плотный, прямолинейный. Они разглядывали друг друга, как два пса перед дракой. Никакого вежливого обмена мнениями, никакой светской беседы. Ситуация требовала, чтобы мужчины немедленно отправились в пивную. Они провели там два часа и вернулись родными братьями.

– Всегда помни, дорогая, – сказала госпожа Фавори Мэри-Энн, когда они наблюдали за идущими в обнимку мужчинами, – нет такой жизненной проблемы, которую нельзя было бы решить с помощью стакана вина. Или двух стаканов. Вино распахивает сердце и заглушает доводы разума, а именно это требуется женщине. Итак, твоя свадьба – вопрос решенный.

Она оказалась права. Согласие было дано. На следующий день, пока мужчины отсыпались после процесса установления родственных отношений, госпожа Фавори и Мэри-Энн выкупили разрешение и встретились с викарием церкви Святого Панкратия. Госпожа Фавори согласилась с тем, что из соображений безопасности ни ей, ни круглолицей Марте, глаза которой сверкали от возбуждения, не следует присутствовать на церемонии. Мэри-Энн сунула два шиллинга в руку могильщика, который согласился стать свидетелем. Все было готово, осталось привести жениха к алтарю.

– Джозеф, проснись! Мы сегодня с тобой венчаемся.

– Какая погода?

– Отличная. На небе ни облачка.

– Тем более стоит еще поспать. Погода не испортится.

Он зевнул, потянулся и соблаговолил приступить к процессу одевания. Вот эту льняную рубашку, ни разу не надеванную. Нет-нет, дай мне атласный сюртук. Галстуки? Но у него полдня уйдет на то, чтобы подобрать галстук. На днях он видел очень подходящий галстук в магазине на Стрэнде. Разве они не могут нанять экипаж и съездить на Стрэнд, прежде чем отправятся в церковь? Это невозможно. Нам уже назначено. Викарий ждет.

– Тебе нравится мое платье? Я вчера его купила. Госпожа Фавори была так великодушна.

– Очаровательно. Но почему розовое? Ярко-розовый совсем не сочетается с цветом сомон моего галстука.

– Никто не обратит на это внимания. Тем более в такую рань. Пожалуйста, поторопись.

Дело происходило девятнадцатого мая 1792 года. Рука об руку они шли через залитое солнцем поле к церквушке. В этот день Мэри-Энн выходила замуж и ей исполнялось шестнадцать лет.

Они были почти у церкви, когда Джозеф остановился и хлопнул себя по карману.

– Случилось ужасное. Я забыл разрешение.

– Оно у меня. И нам понадобится второй свидетель. Но я обо всем позаботилась.

– И кто он?

– Могильщик этой церкви. Я дала ему два шиллинга за труды. Поторопись. Нас ждут. Боб Фаркуар, с цветком в петлице, стоял у входа рядом со священником.

– Мы решили, что вы передумали, – сказал он.

Мэри-Энн взяла Джозефа под руку и улыбнулась.

– Ни за что на свете, – ответила она.

Отчим смотрел на них и удивлялся. Молодой хлыщ, такой высокомерный, с презрительной миной – и Мэри-Энн, в розовом платье, смущенная, взволнованная и сияющая.

– Будем надеяться, что и через десять лет твои чувства к нему не изменятся, – сказал Боб Фаркуар.

Преподобный Сойер провел их внутрь. Все было очень просто, очень примитивно. Лучик солнца проник в полумрак церкви через грязное окно. Из сада доносился щебет птиц, вдали, на полях Панкраса, блеяли овцы.

Мэри-Энн произнесла слова клятвы чистым, уверенным голосом. Джозефа было еле слышно. После этого они направились в ризницу, чтобы расписаться в метрической книге. Мэри-Энн написала свое имя над именем Джозефа.

– А медовый месяц? – спросил священник, умиленный тем, что ему оказана честь обвенчать столь невинную пару. – Где вы его проведете?

Он протянул брачное свидетельство Джозефу и стал ждать ответа. Джозеф вопросительно посмотрел на свою новоиспеченную жену. Ведь их медовый месяц успешно продолжался в течение предыдущих пяти недель, зачем же что-то менять? Их жизнь должна продолжаться по-старому: они будут ездить на прогулки, обедать, спать до полудня, вставать ближе к вечеру.

Мэри-Энн улыбнулась. Сделав реверанс преподобному Сойеру, она взяла свидетельство у Джозефа.

– Мы поедем в Хэмпстед, – сказала она. – Мой муж нуждается в отдыхе, свежем молоке и чистом воздухе.

Ее взгляд, обращенный к Джозефу, был тверд. Джозеф тоже посмотрел на нее. Боб Фаркуар хихикнул и пихнул могильщика в бок.

То было первое испытание Мэри-Энн.

Глава 7

Они опять и опять возвращались к начатому разговору, но все безрезультатно. Спорить было бесполезно: они зашли в тупик.

– Значит, ты обманывал меня все это время?

– Я никогда не лгу. Это слишком накладно.

– В тот первый вечер на Блэк-Рейвен-Пессидж ты всем нам сказал, что у тебя много денег.

– Так и было на тот момент. Но они быстро кончились. Я всегда могу достать еще больше.

– Как же ты собираешься это сделать?

– Играть в карты, на бирже, на скачках. Что-нибудь подвернется.

– Но твой отец? Ты говорил, что твой отец богат, что всегда можно попросить денег у него?

– Здесь не все так просто.

– Что ты имеешь в виду?

Она взяла его за плечи и развернула лицом к себе. Почему он всегда так беспечно смеется, почему пожимает плечами, как бы извиняясь?

– Джозеф, ты должен сказать мне правду. Немедленно, и давай покончим с этим. Я люблю тебя. Обещаю, я не буду сердиться.

Прошло уже шесть недель со дня их свадьбы, и, хотя она полностью подчинила его себе: они вели спокойный образ жизни в меблированных комнатах, благодаря свежему воздуху на его щеках появился румянец и взгляд утратил ослепительность, – он все еще отказывался обсуждать их будущее. Когда она спрашивала его, написал ли он отцу, он сразу же переводил разговор на другую тему.

Тишина Хэмпстеда уже начинала надоедать. Ей хотелось вернуться в город, увидеться с матерью и братьями, предстать перед всеми в качестве госпожи Джозеф Кларк, снохи известного строителя, в полной мере насладиться статусом замужней дамы.

Они уже две недели не платили за квартиру. Как же глупо ютиться в убогой комнатухе, когда одно слово отца Джозефа может обеспечить им прочное материальное положение и уважение везде, где бы они ни оказались. Мэри-Энн мечтала о том, что всегда сопутствует свадьбе: подарки, поздравления, фамильное серебро и столовое белье, дом, который она смогла бы обустроить по своему вкусу (для начала можно и небольшой). Какой смысл было выходить замуж, если у нее ничего этого нет?

К тому же осенью у них родится ребенок, теперь уже она была в этом совершенно уверена. Джозеф должен понять: для ребенка все должно быть лучшим. Она опять внимательно посмотрела на него. Он избегал встречаться с ней взглядом.

– В чем дело, Джозеф?

Внезапно он сунул руку в карман и достал письмо.

– Ну, ладно, – проговорил он, – ты победила. Просто я считал, что не нужно вот этим портить нам удовольствие. Лучше прочти.

Письмо было без обращения. На нем стояло число: двадцать третье мая, через четыре дня после их свадьбы. В углу было написано: «Эйнджел-Корт, Сноу-Хилл».

Ты с детства доставлял мне сплошные неприятности, поэтому меня совершенно не удивило сообщение Томаса Бурнелла о твоём отвратительном поведении. Напомню тебе, что это не первый, и не второй, и не третий твой поступок подобного рода. Только надежда уберечь тебя от несчастий заставила меня отдать тебя в ученики к Бурнеллу. Я никогда не верил, что ты талантлив, да и Бурнелл невысокого мнения о твоих способностях. Насколько я могу судить, единственная твоя возможность зарабатывать

честным трудом – это трудиться в качестве сдельщика под чьим-либо надзором. Как мне сказали, ты женился на соблазненной тобой девушке. Меня удивило, почему она, имея представление о твоём характере, вышла за тебя, однако этот вопрос меня мало интересует, так как я не намерен видеться с вами. Ради твоей матери я предоставляю тебе пожизненно сумму в размере одного фунта в неделю, или пятьдесят два фунта ежегодно. Большее тебе от меня ждать нечего, и после моей смерти все мое состояние и мое дело отойдут к твоим братьям.

Твой отец Томас Кларк.

Пока Мэри-Энн читала письмо, Джозеф наблюдал за ней. Сдержит ли она обещание или рассердится? Он знал ее буйный нрав. Между ними уже не раз происходили стычки, она устраивала скандалы, которые ему удавалось подавить только с помощью любовных утех.

Но как она отнесется к словам «подобный поступок»? «Не первый, и не второй, и не третий». Да, серьезная проблема. Может, ему стоит признаться в своей связи с сестрой владельца гостиницы? Или в другом, более прискорбном случае, с женой возчика? Должен ли он выслушивать ее упреки, за которыми последуют слезы, хлопанье дверью и возвращение к ее матери?

Хотя Джозеф считал, что он хорошо знает свою жену, он ошибался. Намек на его бывшие похождения не тронул ее. В первую же неделю после их знакомства на Блэк-Рейвен-Пессидж его манера ухаживать рассказала ей все, что она хотела знать о его прошлом. Больно резанула ее другая фраза: «Я никогда не верил, что ты талантлив, и Бурнелл невысокого мнения о твоих способностях». Только эти слова имели значение. И перспектива на будущее: «...в качестве сдельщика под чьим-либо надзором». Неужели ей больше ничего не светит?

Она разорвала письмо и улыбнулась мужу.

– Хватит о твоём отце, – проговорила она. – Что ты можешь сказать о своих братьях?

Джозеф пожал плечами.

– Джон – старший, – ответил он, – он сын моего отца от первого брака и намного старше всех остальных. Он женат, у него семья, живет на Чарльз-сквер в Хокстоне. У нас были прекрасные отношения. Томас – полная копия моего отца: трудолюбивый, осторожный. Он всегда относился ко мне с подозрением. Джеймс не имеет никакого отношения к нашему бизнесу: он учится в Кембридже и собирается стать священником. Еще у меня есть сестра. Но какой смысл обсуждать их? Я – «паршивая овца». Они всегда именно так ко мне и относились. – Воздав каждому по заслугам, он значительно повеселел. Перекладывая на них вину, он отпускал себе грехи. Он никогда не был ни в чем виноват.

– А твой дядя?

– Какой дядя?

– Ты рассказывал, что у тебя есть дядя, олдермен Кларк, который может стать лорд-мэром Лондона.

– А, этот. – Джозеф опять пожал плечами. – На самом деле родство очень дальнее. Я совсем его не знаю.

Каждое его слово подтверждало самые страшные опасения Мэри-Энн. Теперь она поняла, что все это время он морочил ей голову. Кларки вовсе не так богаты, как она представляла. Это самая обычная семья из торгового сословия, и, как сотни других подобных семей, она живет довольно скромно. У них и в помине нет никаких высокопоставленных родственников. Но она так любила Джозефа и, ослепленная его красотой, никогда не задумывалась над тем, чтобы более подробно расспросить его о прошлом. Любила. Неужели она говорит о своей любви в прошедшем времени? Нет... никогда... никогда... – Она отбросила эти мысли.

– Нам остается только одно, – сказала Мэри-Энн, – это обратиться к твоему брату Джону. Думаю, что лучше этим заняться мне.

Она вновь обрела свой природный оптимизм. Так случалось каждый раз, когда ей приходилось что-то обдумывать, строить планы. Она перехитрит братца Джона точно так же, как она обвела вокруг пальца господина Дея, который разрешил ей носить домой оттиски. И очень многое будет зависеть от жены братца Джона.

Мэри-Энн отправилась в Хокстон в одиночестве. Она подгадала так, чтобы приехать в воскресенье после обеда, когда братец Джон, умиротворенный утренним посещением церкви и разморенный обедом, будет уютно сидеть дома в окружении своих домочадцев.

Чарльз-сквер, уютный и спокойный, с современными домами, производил впечатление стабильности и респектабельности.

«Мы могли бы разместиться на самом верхнем этаже, – подумала Мэри-Энн. – Там наверняка две комнаты, одна выходит на улицу, а другая – во двор. И никакой платы».

В своем подвенечном платье из розового муслина она выглядела невинной девочкой. Дверь открыл сам братец Джон. Мэри-Энн сразу же узнала его. Он оказался более потрепанной, вялой, менее элегантной копией Джозефа, и, как она предположила, поладить с ним было бы легче, чем с Джозефом.

– Простите меня, – проговорила она. – Я жена Джозефа. – И разрыдалась. Эффект был поразительным. Ее по-родственному обняли за плечи, проводили в гостиную, над ней принялась хлопотать жена Джона (слава богу, у нее вид истинной матери большого семейства). За Мэри-Энн следили любопытные глазенки детей, которых выпроводили из комнаты. И когда все утихомирились, она рассказала свою историю.

– Если бы Джозеф узнал, что я поехала к вам, он никогда бы меня не простил. Я сказала, что еду к матери. Он много мне рассказывал о вас обоих, и из его слов я поняла, что вы не прогоните меня. Он так привязан к вам, но вы же знаете, как он горд.

Они сомневались и в его привязанности, и в его гордости, но, когда она улыбнулась им сквозь слезы, их сомнения мгновенно рассеялись.

– Он так переживал из-за письма отца. Вы ведь знаете об этом?

Они знали. Очень грустно, но что можно поделать.

– Это я настояла на свадьбе. Я заставила его сбежать. Мне было так плохо дома, а моя мать настояла, чтобы я пошла в экономки к некоему господину Дею.

Она рассказала про господина Дея. Как он ломился – ни слова о его робком стуке, – ломился в дверь в десять вечера, как она сбежала к Джозефу.

– А как бы вы поступили на моем месте? – обратилась она к госпоже Джон.

На лице госпожи Джон отобразились ужас, отвращение, сочувствие. Бедная девочка, как она переживала!

– Я знала, что моя мать не сможет защитить меня, а мой брат Чарли еще мал. Мне пришлось пойти к Джозефу: он единственный, кому я могла довериться. Нам пришлось пожениться, чтобы соблюсти приличия. Мой отчим дал мне разрешение.

Она с изумлением обнаружила, что рассказывает чистую правду. Единственным преувеличением было то, что господин Дей ломился в дверь.

– А где сейчас ваш отчим?

– Он уехал в Шотландию. Мы задолжали за две недели за квартиру в Хэмпстеде, и в субботу нам уже негде будет ночевать. Если бы только у нас была возможность куда-нибудь уехать. Понимаете, осенью... – Она взглянула на госпожу Джон. Госпожа Джон все поняла.

Не прошло и недели, как господин и госпожа Джозеф Кларк переехали на Чарльз-сквер. Верхний этаж оказался в их распоряжении. Конечно, Мэри-Энн ожидала от жизни совсем другого, когда стояла перед алтарем в церкви Святого Панкратия, но об этом знала только она. К тому же новое место было более престижным, чем Блэк-Рейвен-Пессидж, что дало ей возможность разговаривать с матерью в довольно пренебрежительном тоне.

– Как видишь, Чарльз-сквер нас вполне устраивает. Мы ведем хозяйство отдельно, но мы всегда рядом. Отец, естественно, выделил Джозефу содержание. Мы вполне независимы.

Рассказ дочери очень отличался от того, что госпоже Фаркуар рассказывал Томас Бурнелл, однако она не обратила на это внимания. Она очень скучала по Мэри-Энн. Дочь была прощена. Единственное, чего никак не могла понять госпожа Фаркуар, как во всей этой истории оказался замешан ее муж, который исчез сразу же после свадебной церемонии падчерицы.

– Как же мне жить? Что станет с Изабель и мальчиками?

– Сдавай комнаты постояльцам.

– Как ты могла допустить, чтобы твой отчим сбежал? Ведь ты наверняка могла бы задержать его, чтобы дать мне возможность воздействовать на него через суд!

– Это ничего не дало бы. У него нет ни пенса.

Боб Фаркуар был уже сброшен со счетов. Он выполнил все, что от него требовалось, и теперь о нем можно было забыть. Он не вписывался в облик Чарльз-сквер. Ни Джон Кларк, ни Джозеф Кларк не садились обедать без сюртука. Внешность и хорошие манеры – прежде всего. Мэри-Энн готова была навсегда выкинуть из головы все, что связано с ее отчимом, но она не приняла в расчет круглолицую Марту.

Однажды утром Марта постучала в дверь дома на Чарльз-сквер. Прочитав объявление в газете, она пришла наниматься в качестве няни для ребенка, который вот-вот должен был родиться. Мэри-Энн схватила ее за руку и потащила наверх, опасаясь, что госпожа Джон увидит ее.

– Что ты здесь делаешь? Зачем ты пришла?

– Я увидела объявление в газете. И догадалась, что это вы.

Это создание пристально смотрело на Мэри-Энн. Взгляд девочки выражал тупое обожание. Может, у нее не все в порядке с головой? У нее какие-то пустые глаза.

– А мой отчим знает, что ты здесь?

– Они больше не хотят меня видеть. Они сказали, что я должна сама зарабатывать себе на жизнь. Вот я и пришла наняться к вам в услужение.

– Сколько ты хочешь?

– Не знаю. Полное содержание, наверное.

Да, она умеет готовить. Да, она может стирать. Да, она умеет штопать. Она знает, как торговаться на рынке.

– Если я все-таки возьму тебя, ты никогда не должна упоминать о моем отчime или о своей матери, а также о том, что ты видела меня в Панкресе. Ты будешь Мартой Фавори, моей служанкой. Поняла?

– Да.

– Если мне что-нибудь не понравится, я немедленно выгоню тебя.

– Я не разочарую вас. Я буду делать все, что вы скажете.

Через мгновение Марта была уже в фартуке. Еще через минуту она уже чистила камин. Дружеский кивок и улыбка, которой Мэри-Энн одарила ее в Панкресе, превратили девочку в ее верную рабу. Да, мэм, нет, мэм. Никакой платы, только содержание.

У госпожи Джозеф Кларк появилась служанка. Госпожа Джозеф Кларк могла сказать госпоже Джон: «Если нужно, я могла бы одолжить вам Марту на вечер». Подобные мелочи делали их отношения менее официальными. Госпожа Джозеф и госпожа Джон могли общаться на равных.

Мэри-Энн и Джозеф прожили на Чарльз-сквер два года. За это время у них появилось двое детей. Первый умер вскоре после рождения. Второго ребенок, девочка, крещенная Мэри-Энн, как и ее мать, выжила. Когда они ждали третьего, Мэри-Энн заявила, что они с Джозефом больше не могут жить на верхнем этаже. Им нужен собственный дом, но кто заплатит за него? Отец Джозефа давно умер, но свое слово сдержал. Джозеф не получил ни единого пенса сверх

пятидесяти двух фунтов в год. Дело в Сноу-Хилле процветало, но без участия второго сына. Второй сын пожал плечами. Ему выдавали фунт в неделю, у него была бесплатная крыша над головой, ему даже не нужно платить служанке – так чего беспокоиться? Они спокойно могут и дальше жить у брата Джона.

– А тебе не хочется независимости?

– Именно это я и называю независимостью.

– Разве тебе не хочется, чтобы тебя уважали, смотрели на тебя с почтением, чтобы о тебе говорили как о художнике? Разве тебе не хочется увидеть вывеску с твоим именем над твоей конторой?

– Я предпочитаю жить как джентльмен.

Но разве ютиться на четвертом этаже в доме брата и питаться за его счет – это значит жить как джентльмен? Разве это не первый шаг к тому, чтобы превратиться в жалкого оборванца, которого все жалеют и чаще всего называют «бедным родственником»? Если бы только у него была хоть капля тщеславия!

– Брат Джон, мы так сильно потеснили вас. У вас тоже семья разрослась, вам, наверное, нужны наши комнаты.

– Чепуха, моя дорогая. В доме хватит места для всех.

– Но Джозефу нужно работать, он должен чем-нибудь заниматься. У него есть талант, нужно дать ему возможность проявить его. Завещание было несправедливым. Джозеф имел право получить свою долю в семейном деле.

Братец Джон выглядел обеспокоенным и расстроенным. Смерть отца очень осложнила их отношения. У него уже возникли разногласия с братом Томасом, который унаследовал как острый ум отца, так и большую часть состояния. Джон впал в немилость потому, что поддерживал хорошие отношения с Джозефом. Иногда он подумывал о том, чтобы все бросить. Пусть Томас поступает по-своему, а он отойдет от дел.

– Джозеф ни о чем не просит, – сказала Мэри-Энн, услышав в его голосе беспокойные нотки и заметив, что он колеблется. – Я прошу за него. Ведь для того, чтобы основать свое дело, нужно совсем немного денег, а как только он станет получать доход, он отдаст вам долг. Кстати, вы слышали, что Бруэрс с Голден-лейн продает свой дом? Дом в хорошем состоянии, он недавно отремонтирован. Позади есть небольшой двор. Если бы у Джозефа был хоть один подмастерье...

Для этого подойдет Чарли. Никаких посторонних. Доход должен оставаться в семье. Нечего платить чужим.

– Вам не кажется, что для начала это мог бы быть филиал основной компании в Сноу-Хилле? Но Томас не имел бы права вмешиваться в вашу деятельность, а всем заправляли бы вы с Джозефом – вы ведь так хорошо ладите друг с другом.

В 1794 году, на Рождество, Джозеф Кларк переехал в дом на Голден-лейн... Наконец у Мэри-Энн появился свой парадный подъезд, своя лестница. Она больше не будет спотыкаться о детей брата Джона, вечно снующих вверх и вниз. На окнах висели ее собственные новые шторы; полы застилали ее собственные новые ковры. Марта, в ситцевом платье, в чепчике и передничке, отдавала приказания посыльному мясника. Для Мэри-Энн-второй была куплена коляска, а для ребенка, которого они ждали, – плетеная колыбель. И за все платил братец Джон, который был в ссоре с братцем Томасом.

– Как у нас дела? Замечательно. От церкви Святого Луки поступил заказ на надгробие. И еще один заказ от церкви Святого Леопольда. Джозефу не справиться с таким объемом работы.

Проводить посетителей навстречу. Позволить им увидеть комнаты, обставленные с утонченным вкусом, и очаровательную девочку в нарядном платье, и респектабельную служанку на кухне. Каждая мелочь должна служить свидетельством процветания и успеха. Но заднюю дверь нужно всегда держать закрытой, чтобы никто не заметил лежащие на заднем дворе гра-

нитные плиты, которых так и не коснулась рука резчика, валяющиеся в беспорядке инструменты, отсутствие самого мастера.

– Господин Кларк дома?

– Прошу прощения, но он ушел по делам. У него очень важный заказ.

А позже, намного позже, раздавался из кухни шепот Марты: «Хозяин вернулся».

Засунув руки в карманы, Джозеф пинал гранитные плиты. Не было надобности расспрашивать, где он пропадал: нездоровый румянец на лице, дрожащие руки, попытки обнять Мэри-Энн и поцеловать, чтобы избежать ее осуждающего взгляда, говорили сами за себя.

– Завтра начну работать, но не сегодня. Сегодня у нас должен быть праздник. К черту эту работу.

Она не должна пилить его. Она не должна угрожать ему. И не должна упрекать. Все это и оттолкнуло Боба Фаркуара от ее матери. Остается улыбаться, смеяться и с веселым и уверенным видом ехать в экипаже по городу. Такой же ее должна видеть и госпожа Джон, которая в то лето довольно часто заезжала к Мэри-Энн, чтобы обсудить с ней постоянно возникающие у нее проблемы, и которая однажды приехала в слезах.

– Джон совершил ужасную ошибку, поругавшись с Томасом, – теперь он понял это. Он ничего не смыслит в финансах, а те деньги, что он получил в наследство, очень быстро расходятся. Пока мы будем ждать прибыли от мастерской на Голден-лейн, нам придется играть на бирже, а Джон в этом совершенно не разбирается. Вы не могли бы уговорить Джозефа побольше работать?

– Он и так много работает, но дела продвигаются вяло: ведь он болел этой зимой, к тому же идет война, время сейчас беспокойное. – Мэри-Энн использовала любой предлог, чтобы выгородить своего мужа. – Да и игра на бирже может стать удачной, если вы найдете верного человека. Недавно один знакомый Джозефа сделал себе целое состояние. Наверняка Джозеф познакомил брата Джона с этим человеком. Если следовать его советам, мы все однажды проснемся богачами.

Никогда не поддаваться тревожным опасениям. Никогда не бояться будущего. Оптимизм обеспечивает половину победы, остальное доделывают хитрость и ловкость. Пока игра на бирже не принесет братцу Джону успех, нельзя брать у него денег; до этого времени они будут использовать господина Филда, серебряных дел мастера с Голден-лейн, который так и горит желанием одолжить им денег на предложенных Мэри-Энн условиях:

– Мой муж – племянник олдермена Кларка, и, если дело моего мужа не даст немедленной прибыли, олдермен окажет нам помощь. Но, может быть, вы дадите нам займы на некоторое время небольшую сумму? – Мало найдется серебряных дел мастеров, которые отказали бы в займе при виде элегантного, заново обставленного дома, за содержание которого, по всей видимости, платит будущий лорд-мэр Лондона.

Можно еще привлечь Джеймса Бертон – не в качестве заимодавца, а как постоянного консультанта. Он уже превратился в преуспевающего каменщика, наметанный глаз которого сразу заметил бы все упущения в мастерской на Голден-лейн.

– Ваш совет, господин Бертон, так много значит. Джозеф так замкнут и стеснителен. Он не может приказывать. В память о былых днях...

Былых дней? Она одарила его улыбкой. Он давным-давно уехал из дома ее матери на Блэк-Рейвен-Пессидж и жил в построенном им самим доме в Блумсбери, но от ее голоса, который дразнил и в котором слышались ностальгические нотки, у него создавалось впечатление, будто тогда, три года назад, она флиртовала именно с ним, а не с Джозефом.

«Мне надо было бы действовать решительнее», – намек так и витал в воздухе, оставаясь только намеком, который никогда не будет высказан вслух.

В память о былых днях он отдавал приказания, однако работа шла вяло и часто оставалась незаконченной. Постепенно его покровительство сошло на нет. Ну как он может использо-

вать неквалифицированного резчика, который редко бывает трезвым и работает с таким видом, будто делает одолжение?

– Проблема в том, госпожа Кларк, что ваш Джозеф пьет.

– Дело обстоит гораздо хуже, господин Бертон: он начисто лишен способностей.

Слова отца полностью подтвердились. Джозеф не просто не был талантлив. Она вышла замуж за человека, у которого нет ни цели в жизни, ни воли. И все же она его еще любит. Он молод, он принадлежит ей, он красив. Пришло время, и в один жаркий летний вечер Мэри-Энн родила мальчика. Она держала на руках их первого сына, Эдварда, так похожего на нее: те же глаза, та же линия губ, те же черты. Она показала малыша его полуторагодовой сестричке, преданной Марте, улыбающейся повивальной бабке, только Джозефа не было рядом с ней.

Рождение их сына и наследника на Голден-лейн произошло двадцать восьмого июля 1795 года. Мэри-Энн лежала одна в спальне, устремив невидящий взгляд в потолок. Если он напьется и в эту ночь, она не будет молчать. Ее терпение не бесконечно. Как никогда раньше, она нуждается в его сочувствии и понимании. Завтра к ней вернутся силы, она будет готова смело взглянуть в будущее. Но сегодня – ради всего святого! – она нуждается в покое и нежности. Когда он вернулся, он был трезв, но страшно бледен. Он даже не взглянул на спавшего в колыбели малыша.

– Наше предприятие потерпело крах, – сказал он.

Она села в кровати и пристально взглянула на стоящего в дверях мужа.

– Какое предприятие? Что ты хочешь сказать?

– Спекуляция на бирже, – объяснил он. – Как только мне стало все известно, я сразу же отправился на Чарльз-сквер. Но я опоздал.

Он в изнеможении опустился на пол возле кровати и разрыдался. Она обняла его с такой же нежностью и заботой, как час назад обнимала своего сына.

– Никогда не бывает поздно. Я что-нибудь придумаю. Я найду выход, – говорила она.

Джозеф покачал головой. Что бы она ни придумала, ничто теперь не может скрыть его полной некомпетентности. Ведь именно его совета послушался брат, который так доверял ему.

– А сколько потерял братец Джон? – спросила она.

– Все свои сбережения. Все, что у него было. Он узнал об этом сегодня утром и не вернулся домой. А вечером он застрелился. Тело нашли в экипаже в Пентонвилле.

Глава 8

Главной задачей было сохранить видимость благополучия, не показывать, что они слишком близко подошли к банкротству. Джон покончил с собой; они остались живы. Поэтому в их доме царит веселая атмосфера. Полы натерты, панели заново покрашены, все затянуто шелковыми драпировками. А для детей – нежный муслин с веселым рисунком. Взятый напрокат, но так и не оплаченный спинет, листы с нотами, книги в кожаных переплетах, серебряные подсвечники. На столе разбросаны картинки с модными фасонами, театральные программки, незаконченная вышивка в пяльцах, вырезки с памфлетами из последних газет, плотный картон для рисования. Щенок с длинными ушами, играющий с ленточкой, два попугайчика в клетке. Каждый штрих, каждая мелочь предназначены для того, чтобы демонстрировать покой и благополучие, лишняя раз указывая на отличие Голден-лейн от Баулинг-Инн-Элли.

Под внешним лоском пряталась нищета, с усмешкой подмигивавшая Мэри-Энн из каждого угла. Дамасский шелк, прикрывавший дыры от отваливавшейся штукатурки, отвлекал взгляды посетителей от трещин на стенах.

Лежа в постели рядом с пьяным мужем и ощущая свое полное одиночество, Мэри-Энн размышляла над тем, что ее жизнь постепенно становится похожей на жизнь ее матери, повторяя те же этапы. Каждый год – ребенок. Недомогания, раздражение. Четыре детских личика за столом – Мэри-Энн, Эдварда, Эллен и малыша Джорджа – напоминали ей ее детство. И всех их содержит именно она, а не Джозеф, который со своим ночным образом жизни, сонными глазами, нездоровым румянцем и всегда готовыми оправданиями превращается в Боба Фаркуара. Как выбраться из этого порочного круга? Как избежать судьбы своей матери?

Госпожа Фаркуар навещала свою дочь каждое воскресенье и вела с ней нудные и утомительные разговоры о женских проблемах: о цене на рыбу, о причудах нового постояльца, о том, что Изабель стала помогать ей по дому и как лечить ревматизм. Но за всеми жалобами госпожи Фаркуар скрывался невысказанный намек на то, что замужество, которого так жаждала Мэри-Энн, ничего хорошего ей не принесло. Это ужасное «я же тебе говорила» стояло между ними как призрак. Столь много обещавшее родство с семейством Кларк ничего не дало. Единутробные братья Мэри-Энн отправились служить на флот – но только в качестве юнг (об этом никогда не упоминалось) – и оба утонули в сражении при мысе Святого Винсента. Чарли жил на Голден-лейн и работал подмастерьем у Джозефа, однако, понимая, что из их предприятия ничего путного не получится, постоянно угрожал, что бросит мастерскую и запишется в армию.

– Вы же говорили, что мы разбогатеем. А денег так и не прибавилось.

Заказы, поступавшие в мастерскую, были настоящим унижением. Надгробие на могилу молочника из соседнего дома или просто вырезать имя мясника с Олд-стрит.

Постоянная необходимость притворяться и изобретать какие-то оправдания, чтобы скрыть отсутствие работы в мастерской. Но если это будет длиться годами, что тогда? Должен быть какой-то выход, надо что-то делать. Она вспомнила старые газеты со статьями о скандальных историях, дешевые газетенки, захватанные грязными руками посетителей пивных. День или два эти листки бродили по рукам, над ними хихикали, их обсуждали, а потом использовали для того, чтобы завернуть рыбью голову для кошки. А еще позже они вместе с мусором оказывались в помойке. Этот хлам печатали господи Хьюэс, Блэклок с Ройял-Эксчейндж, Джоунс с Патерностер-роу и еще куча им подобных, разбросанных по всему городу. Кто писал эти непристойности? Какой-нибудь низкосортный писака, имеющий на руках больную жену? А может, женщина? Довольно легко удалось уговорить Джозефа побывать в столовых, где обычно собираются издатели. Смешаться с толпой, поболтать с ними, сделать пару намеков, выяснить их имена и адреса. И пока Джозеф играл в кости, рассказывал всякие истории и изображал

из себя джентльмена, Мэри-Энн выясняла, какие сплетни и слухи в наибольшей степени привлекают внимание читателей.

Сидней с Нортумберленд-стрит, Хилдьярд с Феттер-лейн, Хант из Бофорт-билдинг на Стрэнде – они были знатоками своего дела. Из-под их коварного пера выходили статьи, в которых авторы сначала рассыпались в любезностях своим читателям, а потом давали понять, что сообщаемые ими сведения известны только им, и никому больше. И все это было украшено какой-нибудь классической цитатой, выведенной в качестве заголовка. Прозаичное начало, многозначительная середина – и хлоп! – конец, полный косвенных намеков и подкалываний. И за это платили полпенса. Чем значительнее упоминаемое в статье имя, тем сильнее интерес публики.

– Где вы научились устраивать такие фейерверки, госпожа Кларк?

– В колыбели. В качестве погремушки у меня была хлопушка.

Мэри-Энн строчила весь этот вздор, лежа в постели рядом с храпящим Джозефом, и никто, даже Чарли, не догадывался, чем она занимается. Ее труды увенчались успехом: пять счетов были оплачены – пять из пяти десятков. К тому же это отвлекало ее от домашних забот. Круп и судороги, лихорадки, заставлявшие ее вскакивать по ночам, дыры в коврах, плохое настроение Марты, подгоревший пирог, объятия Джозефа – она сыта этим по горло. Но как же от этого избавиться? Серьезная проблема. Притвориться больной, притвориться уставшей и, преступив все грани допустимого, притвориться холодной. И больше никаких детей. Хватит и четверых. Но как же она любила их, когда они младенцами засыпали у нее на руках, наевшись, беспомощные, с непропорционально крупной головой, закрытыми глазками и нежными ручонками. Это были ее дети, они никогда не принадлежали Джозефу. Будь у нее жизнь поспокойнее, она родила бы еще десяток. Но при такой жизни, как сейчас, она ни за что на такое не пойдет. Нечего плодить нищих.

Но где же то, ради чего она согласилась бы бросить Голден-лейн? Как спасти свой дом от старьевщиков? Ее статей, написанных при свете чадающей свечи, недостаточно, чтобы содержать всю семью, чтобы дать матери возможность отдохнуть на старости лет, чтобы вывести Чарли в люди. Слишком многие зависят от остроумия одной женщины, которой всего двадцать лет и три года.

Все ее старания оказались тщетными. Пришли старьевщики. Они унесли столы и стулья, забрали попугайчиков и кровати. Умиравшие торговцы больше не нуждались в надгробиях. Джозеф обанкротился, и его мастерская была продана. Даже плачущей и сопротивляющейся Марте пришлось уйти. Она нанялась в няньки в дом на Чипсайде.

Это произошло летом 1800 года, и Мэри-Энн была вынуждена опять искать выход. На брата Томаса из Сноу-Хилла надежды нет, а как насчет младшего брата, помощника приходского священника? Преподобного Джеймса Самюэля, который только что окончил Кембридж? У него собственный дом в Бейсуотере, слишком большой для одного, и он дал пристанище госпоже Джон. Но если немного потесниться, можно было бы разместить еще много народу, поэтому Джозеф Кларк снялся с якоря и переехал на Крейвен-Плейс. Когда-нибудь викарий, возможно, станет епископом, но на ближайшее время дети получили крышу над головой, а так как только это имело значение, Джозефу пришлось взять себя в руки: в пять часов, когда подается обед, он должен забыть обо всем на свете.

Соседи оказались очень приятными людьми. Как и в других маленьких провинциальных городках, на Крейвен-Плейс двери дома викария были для всех открыты, а Мэри-Энн истосковалась по новым знакомым. Тейлоры из дома шесть были ее главной находкой. Трое братьев служили в армии, двое – на флоте, а старшую сестру тоже звали Мэри-Энн.

– Не должно быть двух Мэри-Энн. Я буду звать тебя Мей.

И опять, как в пансионе в Хэме, у нее появилась подруга, с которой можно посмеяться, похихикать, обмениваться шляпками, платьями и лентами, обсудить достоинства и недостатки

всех их знакомых. Эта чепуха была как бальзам на раны, противоядие для отравленной замужеством души. К тому же у Мей Тейлор были связи, которые могли пригодиться: для того чтобы одевать и кормить своих детей, Мэри-Энн приходилось постоянно снабжать редакторов с Флит-стрит новыми памфлетами. У Тейлоров была бабушка, которая жила на Беркли-стрит. Ее школа для девочек из благородных семей была хорошо известна. В проспектах говорилось: «В школе госпожи Уэстерн осуществляется благочестивое обучение барышень, а более опытным дамам даются уроки совершенствования».

Когда барышень укладывали в постель, а дамы собирались вместе, госпожа Уэстерн иногда проявляла неосторожность.

– Я могу рассказать вам, что происходит в высшем свете. У меня в школе учатся дети из самых знатных семей.

Младшая госпожа Кларк, которая приходила в школу, чтобы улучшить свой французский, делала кое-какие стенографические записи. Эти записи никогда не показывались ни викарию, ни Тейлорам, а прямоком отправлялись на Патерностер-роу. В результате – пальто для Эллен, коляска для Джорджа.

Еще у Тейлоров был дядюшка Томас на Бонд-стрит. Как сапожник, обувающий королевскую семью, он представлял собой огромную ценность. После двух стаканов вина из него можно было вытянуть все, что угодно. Но его рассказы предназначались только для ушей родственников и знакомых.

– Как близкой подруге моей племянницы, госпожа Кларк, я могу рассказать и вам. – И рассказывал, к вящей радости и ликованию любителей скандальных статей с Граб-стрит. Румяный, круглолицый, совершенно лысый, с носом, как у попугая, он очень любил поплотнее набить желудок и расположиться возле камина.

– Ваш ход, госпожа Кларк.

– Нет, ваш, господин Тейлор.

– Вы пропустили ход, уверяю вас. Так о чем я говорил?

– Как принцесса Августа...

– А, да! Она была в своем будуаре. Дело происходило в Виндзоре.

– И никто ничего не узнал?

– Только фрейлина. Ее выдворили за границу и назначили небольшую пенсию.

– А кто же был любовником принцессы?

– Ш-ш! Наклонитесь ко мне.

Дядюшка Томас со своими шашками и уродливым носом, который ему приходилось постоянно вытирать, был на редкость ценной находкой, но иногда Мэри-Энн казалось, что он что-то подозревает.

– Вы видели заметку в «Персоналитиз» на прошлой неделе?

– Нет, господин Тейлор. Мой деверь, викарий, не покупает дешевых изданий.

– Очень любопытно, как там мог появиться анекдот о принцессе? Сегодня утром я спросил себя: «Кто же проболтался?»

Действительно, кто? Она расставила шашки и дала ему возможность выиграть, надеясь тем самым успокоить его подозрения. Мимоходом он заметил, что ей следовало бы заказывать себе обувь у него. Заходите: Бонд-стрит, номер девять, рядом с Пиккадилли.

– У вас слишком высокие цены. Я не могу себе этого позволить. У моего мужа нет денег, господин Тейлор.

– Но, как я понял со слов племянницы, у него есть кое-какое состояние.

– Очень небольшое. Его отец оставил ему ежегодное содержание.

– Вам, должно быть, трудно свести концы с концами, имея на руках четверых детей.

– Да, нелегко.

– Вы любите своего мужа?

– Мы женаты уже восемь лет.

Он повертел в руках шашку и вытер нос. Раздававшийся из гостиной шум указывал на то, что еще в течение некоторого времени их беспокоить не будут. Мэри-Энн стало интересно, что он пытается выяснить своими вопросами. Он продвинул свою шашку, Мэри-Энн сделала ход.

– Всегда есть возможность увеличить свой доход, – как бы между прочим прошептал он. – Вы так молоды и красивы. Я несколько раз помогал таким же молодым и красивым девушкам. Но не рассказывайте об этом моей племяннице, она ничего не знает.

Чего она не знает? Почему этот старик говорит шепотом? Может, он хочет предложить займы под три процента?

– Вы очень добры, – сказала Мэри-Энн. – Но я ненавижу быть у кого-то в долгу.

Опять вздох. Шашка в руках, взгляд через плечо, нет ли там кого-нибудь.

– Разговор не об этом, все расходы будет оплачивать мужчина. Вопрос только в том, где будут происходить свидания. В моем доме на Бонд-стрит есть несколько довольно удобных комнат. Все будут молчать, поэтому нечего бояться разоблачения. Об этих комнатах знают только самые высокопоставленные персоны. Среди моих клиентов есть даже принц Уэльский.

Теперь она поняла. Великий Боже! Кто бы мог подумать! Старый дядюшка Том и дом свиданий. Надо крайне нуждаться, чтобы решиться на такое, но все равно, довольно забавно услышать подобное предложение из его уст. Неудивительно, что ему известны все сплетни.

– Что вы тут обсуждаете?

– Цены на кожу. Твой дядюшка говорит, что он почтет за честь починить, когда понадобится, мои туфли.

Мэри-Энн поднялась и сделала реверанс, продолжая пристально смотреть в глаза старику. Вреда не будет, если показать ему, что она все поняла.

– Именно это я и имел в виду, дорогая, – подтвердил старик. – Не зарекайтесь: ваши туфли могут разорваться в любой момент.

Он протянул ей свою карточку, украшенную всевозможными завитушками.

ТОМАС ТЕЙЛОР,

обувщик королевской семьи.

9, Бонд-стрит, Лондон

– Мне кажется, тут ошибка, – сказала ему Мэри-Энн. – Вы должны были бы написать: «Томас Тейлор, посол Марокко при дворе Его Величества». Кстати, вы шьете по меркам? Или мне придется купить те туфли, которые вы мне предложите?

Его крохотные глазки сверкнули, отвисшие щеки собрались в складки.

– Моя юная леди, уверяю вас, вы будете довольны.

Его племянница радостно захлопала в ладоши и позвала своих друзей.

– Мэри-Энн собирается покупать туфли у дядюшки Тома.

Все зааплодировали, рассмеялись и принялись обсуждать новость.

– Осторожней, тебе это дорого обойдется.

– Ты разоришься, дорогая.

– А для родственников есть какие-нибудь скидки, дядя Том?

Старик вздохнул, улыбнулся и промолчал. Никаких неприличных предложений, все довольны. Он перевел разговор на музыку и на пение. О туфлях позабыли, и вскоре вечер подошел к концу. Капитан Саттон, бывший в недавнем времени гренадером, и молодой человек, с которым один из братьев Тейлор познакомился в армии, проводили Мэри-Энн домой. Когда капитан Саттон прощался с ней, он протянул руку, и она заметила, как в его глазах мелькнуло какое-то странное выражение.

– Когда же, госпожа Кларк, – спросил он, – мы опять встретимся? На Крейвен-Плейс или на Бонд-стрит?

Может, это был пробный шар? Она захлопнула дверь перед его носом и взбежала по лестнице, миновала комнату вдовы Джона, потом святую святых – комнату викария. Прошла мимо приготовленных к завтрашней службе и сложенных в стопку молитвенников. Через детскую, где спали все четверо ее детей, таких слабых, еще ничего не понимающих, зависящих от нее. Зашла в свою комнату, где в постели разметался храпящий Джозеф. Он свалился с кровати и теперь спал на полу. Интересно, а викарий слышал шум от упавшего тела? Хорошо хоть Джозеф не опозорил ее и не приехал за ней к Тейлорам; по крайней мере, ей не пришлось краснеть за его внезапное появление, за его нетвердую походку. Неловкое молчание было бы нарушено ничего не значащим разговором, и добродушный молодой Тейлор поддерживал бы пьяного Джозефа под локоть.

Она наклонилась, чтобы вывернуть его карманы, и обнаружила шиллинг – когда он уходил из дома, у него было три гинеи. Завтра он, как всегда, начнет извиняться и оправдываться: ну, сыграл пару раз в кости с отличными ребятами. Она подложила подушку ему под голову и оставила его на полу.

Где бумага и перо? Какую жертву она сегодня отдаст на растерзание этим хищникам? Давно госпожа Уэстерн ей ничего не рассказывала. Последняя ее история была о том, как в чулане Девоншир-Хауса нашли завернутого в кружево младенца. Сказали, что это ребенок кухарки, но ходят слухи... Ничего нового о господине Питте? Мэри-Энн быстро соображала. В вестибюле видели шатающегося премьер-министра. Несколько строчек из Поупа, чтобы ввести всех в заблуждение. Помнить, что основной удар будет нанесен в конце. Мэри-Энн писала двадцать минут. Отложив перо, она закрыла глаза.

Стояла полная тишина, слышалось только мерное дыхание Джозефа. Один раз заплакал ребенок. Она поправила одеяло, взбила подушку, и малыш опять заснул. Никак не дадут отдохнуть ее голове, приходится все время как-то выкручиваться.

Оценивающий, вопрошающий взгляд капитана Саттона. «На Крейвен-Плейс или на Бонд-стрит, госпожа Кларк?»

Глава 9

Через неделю Тейлоры нанесли ответный визит. А за день до этого Мэри-Энн получила записку от капитана Саттона: «Сегодня на бирже я встретил одного своего знакомого, Билла Даулера. Можно мне привести его с собой?» Ответ: «Буду счастлива». Это оказалось той самой случайностью, которая меняет всю жизнь.

Мэри-Энн, взволнованная всеми приготовлениями к приему, расстроенная необходимостью постоянно одергивать Джозефа, измученная до предела, нуждалась в поощрении. И она нашла его. Рядом с ней сидел незнакомец. Он ей очень понравился: голубоглазый, среднего роста, со здоровым цветом лица. Болтовня остальных гостей дала этим двоим возможность произвести разведку. Подшучивание друг над другом перешло сначала во взаимное согласие, а потом – во взаимопонимание. В какое-то мгновение их внутренние мелодии зазвучали в унисон. В результате произошла взбудоражившая обоих реакция соединения. В ее жизнь внезапно вошел мужчина, который ей очень понравился, и это повлекло за собой массу сложностей. Как же ей справиться с опасностью? Желание, которое, казалось, навечно умерло за годы жизни с Джозефом, вновь разгорелось с появлением Даулера. Он объединил в себе то, чего был лишен Джозеф. Сначала он все обдумывал, взвешивал каждое слово, а только потом высказывался. У него были сильные руки, а его широкие плечи... Только теперь Мэри-Энн осознала, какую ошибку совершила, поддавшись внешнему обаянию Джозефа. Сейчас все было по-другому.

«Почему мы не встретились раньше?»

Эти слова говорили друг другу тысячи влюбленных. Он не торопил ее, он был спокоен и сдержан, разжигая тем самым горевший в ней огонь, заставляя ее думать – и поражаться силе чувств, требовавших от нее забыть о гордости: «Я хочу его. Как же мне подтолкнуть его?»

Как можно надеяться на какие-то ответные чувства, если живешь в доме викария? Вот главное препятствие. Ведь Билл Даулер – человек чести, и это главная составляющая его привлекательности. Он не будет красться по ночам к ней в комнату, ей нечего бояться скрипящих половиц. Он приходил на обед к пяти и уходил в десять – и оба страдали, но честь была спасена. Он был неспособен скомпрометировать женщину. Единственный сын любящих и нежных родителей, он впитал в себя их принципы: бояся Бога и остерегайся дьявола.

Прием в Воксхолле? Конечно, это замечательно. Но они приходили в сопровождении нескольких знакомых – и никогда вдвоем. Плечо касалось плеча, когда они смотрели кукольное представление; руки соприкасались, когда указывали на медведя Бруно; смех звучал в унисон; глаза постоянно искали друг друга; их нежность проявлялась в каждом жесте. Но к чему это приводило, когда заканчивался прием? К жесткому сиденью в экипаже, медленно трясащемся по направлению к Бейсуотеру, в то время как двухместная коляска могла бы сотворить чудеса.

Намеки Мей Тейлор пробуждали в нем сострадание и наводили на размышления.

– Разве вы не знали, что ее муж самое настоящее животное?

– У меня возникло подобное предположение: Саттон мне кое-что рассказывал.

В его голосе слышалась забота, он обращался с ней очень бережно. Но он не переступал границ, ничего не предпринимал. Только пара томиков стихов, нежное поглаживание Эдварда по голове, кукла для Эллен.

– Могу ли я что-нибудь сделать для вас? Если да, вы скажете мне?

Сказать? Бог мой! Неужели он считает, что она сделана из камня? Неужели она должна спокойно сидеть, скромно сложив руки на коленях, кивать и заставлять себя сдерживаться? Или ей стоит начать гадать на ромашке – прямо как ученице из Хэма? Любит, не любит. Возьмет меня, не возьмет. А пока каждую ночь она видит спящего Джозефа, впустую растрчивая драгоценные недели, теряя волшебные, возвышенные вечера середины лета.

Именно Джозеф в конце концов вынудил ее принять решение. Возможно, он, несмотря на свой затуманенный вином мозг, догадался, что не только усталость сделала ее такой молчаливой; возможно, он почувствовал, что скрывается за зевотой, за постоянным внутренним сопротивлением, за нежеланием взглянуть прямо в глаза.

– Что случилось с тобой в последнее время? Почему ты так изменилась?

– Изменилась? А что ты ожидал? Посмотри в зеркало.

Не было больше завуалированных упреков, только нападение. Звучавшее в ее словах отвращение показало ему, как низко он пал. Он уставился в зеркало и увидел свое отражение: урод, жалкое подобие человека. Черты расплылись, кожа покрылась пятнами. Темные глаза превратились в щелки на одутловатом лице. Трясущиеся руки, поникшие, ссутулившиеся плечи. Перекошенный рот, как будто его ужалила оса. Полный крах того человека, каким он был раньше, а ведь ему нет тридцати.

– Прости меня. Я ничего не могу поделать.

Стыд овладел им утром, когда, сцепив руки, он жалобно молил о прощении, о снисхождении.

– Мне просто не повезло, все ополчились против меня.

Разговоры с братом, викарием, ничего не дали. За торжественным «Пусть Всемогущий Господь принесет тебе успокоение» следовали слезы и обещания, что в будущем подобное не повторится, но в глубине души он понимал, что Мэри-Энн презирает его, и к вечеру надежда на спасение покидала его. Один стаканчик, чтобы успокоить дрожь в руках; второй – чтобы помочь своей уязвленной гордости; третий – чтобы придать походке былое щегольство; четвертый – чтобы мир вновь расцвел яркими красками; пятый – чтобы обругать их всех, стать Господом Всемогущим; шестой – чтобы затуманить мозг и все забыть. Наконец полное забытьё, и он в руках дьявола.

– На его лечение могут уйти месяцы, госпожа Кларк. Я видел людей, которые, будучи в таком же состоянии, выздоравливали. Но вы ни на мгновение не сможете расслабиться. Один глоток – и все повторится. Это бремя вам придется нести всю жизнь, а у вас еще маленькие дети.

Они с доктором были в кабинете викария, где все собрались на семейный совет: Мэри-Энн, преподобный Джеймс, госпожа Джон. Наконец тайное стало явным, и они увидели, в каком он ужасном состоянии. Они больше не отводили глаз и не пытались остаться в стороне.

– Вы называете моего мужа алкоголиком. Я называю его пьяницей. Раз я вынуждена выбирать между ним и детьми, я выбираю детей.

Она с ужасом представила, что будет привязана к нему навеки, ее испугала перспектива уподобиться владельцу медведя, который изредка выпускает своего подопечного погулять на травке. Неуклюжее чудовище, которое бродит по лесу, высунув язык. Детей придется раздать родственникам: девочек – к ее матери, мальчиков – к госпоже Джон. Она со своим больным будет жить на пособие по бедности. Она отбросила эти мысли и повернулась викарию:

– Я терпела девять лет. Другая на моем месте не выдержала бы и пяти. Это началось еще до того, как мы уехали с Чарльз-сквер, а до такой степени он опустился, когда мы жили на Голден-лейн. Для него и для всех нас было бы лучше, если бы он сейчас пустил себе пулю в лоб, как ваш брат Джон.

Викарий попросил ее повременить с окончательным решением. Он рассказал притчу о мужьях-повесах, о падших ангелах и раскаявшихся грешниках.

– Как много радости... – начал он, но она оборвала его.

– На небесах, возможно, – сказала она, – но не на земле, тем более для женщины.

Он напомнил ей о клятве, данной перед алтарем, о кольце, которое она носила на пальце, о благословении. В богатстве и в бедности, пока смерть не разлучит.

– «Все, что у меня есть, я оставляю тебе». Так однажды сказал Господь, так говорил мне и мой муж, но он не дал мне ничего, кроме болезни, из-за которой я потеряла ребенка. Только уважение к вашему сану не позволяет мне вдаваться в подробности.

Потрясенные и ошеломленные, они больше не пытались давить на нее. Доктор, трезво оценивающий ситуацию, был на ее стороне. Он посоветовал увезти Джозефа из города, хотя бы на время. Отдых... свежий воздух... привести в порядок нервы. Если его оставить на Крейвен-Плейс, ему понадобится санитар.

Викарий заколебался, пойманный в капкан собственными рассуждениями. Муж-повеса оказался также и братом-повесой, Джозеф был Исавом, но без миски похлебки. Обстоятельства заставили Джона совершить самоубийство, поэтому надо спасать Джозефа. Возможно, со временем ему удастся восстановить и семью. Но молодая женщина с четырьмя маленькими детьми останется одна на всем свете? Краснея, он выдавил из себя слова предостережения:

– Мэри-Энн, достаточно ли вы сильны, чтобы противостоять искушению?

Она не была сильна. В этом-то и было все дело. Искушение манило ее, и ей хотелось уступить и забыть обо всем на свете. Ей хотелось погрязнуть в грехе.

– Я смогу позаботиться и о себе, и о детях.

Незачем рассказывать викарию об уже написанной, но еще не отосланной записке, которую она отправит с посыльным Даулеру.

Смущенных детей посадили в дилижанс, и в сопровождении Мей Тейлор и Изабель они отправились в меблированные комнаты в Хэмпстеде.

– А где папа? Он заболел? Почему он кричал?

Маленького Эдварда быстро заставили замолчать, к тому же путешествие становилось интересным. Холодный, напоенный сладостью воздух Хэмпстеда оказывал целительное воздействие, и «Йеллоу-Коттедж», принадлежавший госпоже Эндрюс, выходил на Хаверсток-Хилл. О Джозефе, лежащем на Крейвен-Плейс в комнате с зашторенными окнами, нужно забыть. Все ее чувства были наполнены радостью спасения и ожиданием любви. Завтра она получит ответ на свою записку или самого Даулера. Она скажет ему: «Почему бы тебе не остаться? Ты можешь остановиться в комнате Мей Тейлор, ей пришлось вернуться. Она не может так долго находиться вдали от Крейвен-Плейс. А Изабель – Изабель будет с детьми. Она прекрасно поспит с Эллен, которая часто плачет по ночам... Ты захватил для меня книги? Мне так плохо без книг и без музыки...»

Потом они зажгут свечи и опустят шторы, и, если он настоящий мужчина, а не урод, он... Она заснула.

А на следующий день случилась беда, все оказалось не так, как она рассчитывала. Мэри-Энн-вторую била лихорадка, она бредила и кашляла. К вечеру на лице и на груди выступила сыпь. Девочка в бреду звала давно уехавшую Марту. Марту, которой уже год не было с ними. Мэри-Энн, стоя на коленях возле кровати, никак не могла успокоить ее.

– Позови Марту. Пожалуйста, позови Марту.

Девочка металась, постоянно повторяя это имя. Доктор, вызванный госпожой Эндрюс, покачал головой. Тяжелый случай кори, болезнь очень заразна. Остальные тоже заболеют, ничего нельзя сделать. Не было смысла ставить банки, единственное средство – теплое молоко.

– Изабель, где сейчас Марта?

– Там же, в Чипсайде. У господина Эллиса.

– Немедленно отправляйся туда с Мей. Найми экипаж. Не считайся с расходами, сейчас это не имеет значения.

– Почему ты думаешь, что она вернется? Ведь уже год, как она ушла.

Возмездие. Душевные муки. С подушки на Мэри-Энн устремлен остекленевший взгляд, но это больше не детский взгляд, это взгляд Джозефа. Тщетно она возносила молитвы отвер-

нувшемся от нее Всевышнему. В чем я виновата? Почему это случилось? Возьми мою жизнь, но оставь жизнь ребенку.

Холодный компресс на горячий лоб – безрезультатно. Минуты растянулись в часы, часы – в вечность. Чарльз-сквер, потом Голден-лейн, смех ребенка. Что-то было не так в их семейной жизни, но кто виноват? И почему из-за этого должен страдать ребенок?

– Я пришла, мэм.

– Марта!

Рыдая, она припала к ней. Круглое лицо Марты светилось надеждой. В ее плотной фигуре, в накинутаой на плечи шали – подарок на прощание, в плетеной корзинке, в том, как она поставила корзинку и скинула шаль, было что-то успокаивающее.

– Что ты сказала своему хозяину?

– Меня он не волнует. Я сказала, что у меня заболела мать.

Улыбка Боба Фаркуара. Его блеск в глазах.

– Марта здесь, родная моя. Марта пришла к тебе.

Она ощутила, что панический ужас исчез, на сердце сразу полегчало; все чувства замерли в ней, за исключением страшной усталости, мучительной болью пронзившей все ее тело, когда она поднялась.

Внезапно она увидела Билла Даулера, стоявшего в дверях.

– Что вы здесь делаете?

– Я получил ваше письмо. И сразу же приехал.

– Мое письмо?

Она обо всем забыла из-за болезни дочери. Призыв, посланный ею с Крейвен-Плейс, принадлежал другому времени, другой эпохе. «Йеллоу-Коттедж» превратился в прибежище страданий и болезни, это больше не уютное гнездышко для влюбленных.

– Вы опоздали.

Он не понял, что она хотела сказать, но не стал расспрашивать. Она страдала, она была измучена до крайности, и только это имело для него значение. Он протянул к ней руки, и она прижалась к нему, как ребенок прижимается к отцу.

Неизведанное ранее чувство покоя охватило ее. Это ощущение не было похоже на испытанное ею вчера предвкушение неземного блаженства. Он повел ее вниз, в гостиную госпожи Эндрюс, и они сели у окна. В саду, за которым простиралась вересковая пустошь, Изабель пыталась поймать слонявшегося Эдварда и заставить его заняться делами. Мей Тейлор вместе с Эллен собирала цветы, маленький Джордж пытался справиться со своим фартучком, который путался у него под ногами.

– Я подумал, что вам нужна помощь. Я очень беспокоился.

– Мой деверь, викарий, дал мне денег.

– Но их может быть недостаточно.

Недостаточно для чего? На случай болезни, смерти, стихийного бедствия, всех непредвиденных несчастий, для оплаты судебных издержек?

Внезапно он спросил:

– Вы ушли от мужа?

– Да.

– Навсегда?

Она не ответила, так как сама не знала. Если бы она сказала «нет», тогда он сразу же поднялся и вернулся бы в город. Если бы сказала «да», ребенок в комнате наверху превратился бы в заложника.

Если она заключит сделку с Господом, может ли она быть уверена, что Он не обманет ее и сохранит дитя? Ею руководили страх и чувство вины.

– Если Мэри-Энн поправится...

Она не закончила. Он понял. Его судьба зависела от судьбы девочки, так же как судьба самой Мэри-Энн. Ей казалось, что болезнь дочери превратилась в своего рода символ, в указательный столб с двумя стрелками, направленными вправо и влево. Если ребенок поправится, долг, благодарность и твердая решимость вернут ее на Крейвен-Плейс к Джозефу. Измученная страданиями, она пребывала в возвышенном расположении духа. Кроме того, страх притупил желание.

На него же страх подействовал совершенно иначе, только обострив влечение к ней. Вид измученной и обезумевшей от горя Мэри-Энн еще сильнее распалил его. До сих пор им руководило благоразумие, на его пути стояла призрачная фигура мужа. Дом викария помогал держать в узде чувства, но здесь, на нейтральной территории, все условности теряли свое значение. Как странно, что дразнившая его кокетка, которая флиртовала с ним в Воксхолле, прижимаясь к нему коленом и обмахивая веером, превратилась в эту сидящую рядом с ним женщину с остановившимся взглядом, несчастную и испуганную, обеспокоенную за жизнь своего ребенка.

– Вы останетесь на ночь? Пожалуйста, мне с вами спокойнее. Как мне известно, у госпожи Эндрюс есть свободная комната.

Она даже не пожелала ему спокойной ночи, она мгновенно исчезла, как будто комната с больным ребенком притягивала ее подобно магниту.

– Как она, Марта?

– Мне кажется, ей лучше, мэм. Она стала поспокойнее. Поспите немного. Я посижу с ней.

– Если что-нибудь случится, сразу же разбуди меня.

В кровать и спать. Погрузиться в темноту. Без мыслей, без снов – до самого утра. А утром, как только она открыла глаза, боль и мука с новой силой обрушились на нее. Мэри-Энн схватила плед и босиком побежала к Марте, но вместо мрака подzemелья она увидела раздвинутые шторы, улыбающуюся Марту и приподнятую над подушкой детскую головку с огромными, ясными, осмысленными глазами.

– Лихорадка прошла. Она пришла в себя.

– О, благодарю Тебя, Господи!

Но почему ее захлестнула такая мощная волна чувств, такой сильный всплеск эмоций, такое страстное желание, заставляющее ее немедленно бежать в его комнату? Почему, забыв договор с Господом, забыв обо всем на свете, она только и думает о том, чтобы отдаться ему?

– Я так люблю тебя. Я так долго ждала этого.

Кому она благодарна? Богу на небесах? Ни для нее, ни для Билла Даулера подобные понятия не имели смысла. Прошлое предано забвению, для них существует только настоящее. Изабель и Мей Тейлор уехали. Любовники были предоставлены самим себе. Остальные дети могли заразиться, но какое это имеет значение? Ну, пятнышки на лице, ну кашель по ночам, но ведь рядом Марта и искренне желающая помочь госпожа Эндрюс.

– Ты не вернешься к мужу?

– Никогда... никогда.

Эдвард заболел корью последним и умер.

Глава 10

Она глубоко не задумывалась о причинах. Она опять ушла в себя, во всем ее облике опять появилась возвышенность, как будто сердце уже нашло ответы на все вопросы, но мозг был измучен противоречиями, перепутавшими чувства. В смерти и трагедии виноват Джозеф. Она всегда следовала велению сердца, ею всегда руководило природное чутье, а Джозеф подвел ее. Если бы он добился успеха, как его хозяин Бурнелл или как Джеймс Бертон, с ними никогда не случилось бы такого несчастья. Сейчас они жили бы в богатстве, были бы счастливы, и Эдвард не умер бы.

Она не могла отделить успех от спокойствия духа. Эти два понятия взаимосвязаны: к подобному выводу она пришла после долгих наблюдений. Неудачи вели к бедности, бедность – к нищете, а нищета вела к последней стадии: к вонии и убожеству Баулинг-Инн-Элли.

Женщина стареет раньше назначенного срока, замученная домашними заботами, всегда раздраженная, издерганная неуправляемыми детьми, – она видела, что через десять лет ей не избежать всего этого, и все из-за мужа-неудачника. Мужчина обеспечивает семью. Мужчина распоряжается кошельком. Следовательно, нужно найти простофилю, из которого можно было бы запросто тянуть деньги, и эти деньги возместят ей прошлые страдания.

Стремление к чему-то лучшему, вынашивание детей, постоянная необходимость всех подталкивать и при этом сохранять невозмутимость не принесли ни слова благодарности, ни малейшего результата – муж под надзором санитаров в больнице, сын умер. Итак, до сих пор все стоящее не давалось ей в руки, значит нужно бороться, даже если грозит неудача.

Идиллическая жизнь в Хэмпстед-успокаивала боль и очищала душу. Доверие и желание исчезли, когда крохотный гробик с белым, как воск, мальчиком, чья улыбка, чей смех, чье нежное прикосновение возродились в малыше Джордже, опустился, прикрытый охапкой лилий, в разверстую пасть могилы.

Билл Даулер, возлюбленный, такой желанный, превратился в Билла Даулера, друга и покровителя, который в то же время оставался возлюбленным, в зависимости от настроения. Новый статус был принят им без всяких вопросов: он стал дядей Биллом, а не господином Даулером. Она не старалась скрыть, какую роль уготовила ему в будущем. Пока у него были деньги, он ее устраивал. Если ее чувства к нему изменятся и если то же самое случится с его кошельком, она посмотрит в другую сторону. При живом муже у них нет никаких шансов пожениться, но в этом мире, созданном мужчинами, замужество – еще не все. Тень сапожника с Бонд-стрит – дядюшки Тома – маячила где-то вдали, суля сокровища.

Он заехал к Мэри-Энн в Хэмпстед. Его сопровождала племянница. Мэри-Энн знала, зачем он приехал: это видно было по глазам. Хотя внешне причина его визита выглядела довольно тривиально: сочувствие, соболезнование, отеческое похлопывание по руке. Но, оставшись на мгновение с ним наедине, она заметила, как он задумчиво и хладнокровно оценивал ее. «Наверное, – сказала она себе, – он с таким же видом выбирает при покупке кожу, взвешивая ее на руке, пробуя на ощупь, чтобы определить качество».

– По дороге в Хэмпстед моя племянница обмолвилась, – проговорил он, избегая смотреть ей в глаза и глядя куда-то поверх ее головы, – что вы не собираетесь возвращаться на Крейвен-Плейс. Я все правильно понял?

– Правильно.

– И что вас, позволю себе предположить, в настоящий момент устраивает ваше положение?

– Я больше не завишу от ежегодного пособия своего мужа или от своих родственников, если вы это имеете в виду.

– Именно, именно. Временная мера. Поддержка друга. – В его бормотании, учтивом, но в то же время едком, слышалось сомнение в ее будущем благополучии. «Стреляный воробей, – подумала Мэри-Энн, – мудрый, он знает жизнь».

– Биржа, – продолжал он бормотать. – Рискованно, конечно, ведь в стране сейчас такая неустойчивая обстановка. Легко сделать состояние, но еще легче потерять его. Если вы не очень хорошо разбираетесь в этом деле, лучше вам туда не соваться.

Никаких имен, но она понимала, что он намекает на Билла.

– Итак, что вы предлагаете? – спросила она прямо.

– Заключить соглашение, естественно, – ответил он. – У вас нет другого выхода. Молодые женщины, подобные вам, должны быть защищены. Счет в банке – и вы независимы... Хотя, конечно...

– Что?

– Лучше арендовать дом в городе, – бормотал он, – на ваше имя, естественно. Деньги разлетаются мгновенно, но недвижимость остается. В вашем положении это было бы мудро.

Он виделся ей кукловодом с бечевками в руках. Сделай так, красавица, покрутись, покажи ножку. Легче, изящнее, только так ты сумеешь завлечь их. Мэри-Энн оглядела комнату и увидела, что Билл Даулер разговаривает с Мей Тейлор. Спокойный, надежный, и все же... Джон Кларк рискнул всем своим состоянием, потом его нашли с простреленной головой в экипаже в Пентонвилле.

Но Билл, осторожный и благонравный, не пойдет на это, он постепенно уподобится своим родителям. Спокойная жизнь в загородном поместье. А разве рядом с законопослушными и богобоязненными родителями есть место госпоже Кларк и ее детям? Бросая своего мужа, женщина сжигает за собой мосты. Прекрасно, пусть на нее навешивают ярлыки. К черту отговорки.

– Скажите, – обратилась она к старику, – сколько я стою на вашем рынке?

На этот раз он взглянул на нее прямо и не колебался – посредник, оценщик, прекрасно знающий свое дело.

– Сколько вам лет?

– Двадцать пять.

– Можете сойти за двадцатилетнюю, но мужчинам нравятся еще моложе. В большинстве случаев. Но не всегда. Как долго вы замужем?

– Летом будет девять.

– Об этом следует умалчивать: меньше платят. Были замужем два года и вдруг овдовели. Это может вызвать особый интерес, к тому же вы еще полны свежести – все зависит от клиента и от моды.

– А на что сейчас мода?

– На все жизнерадостное. На шустрых, ловких и очаровательных. Суровая невинность уже много лет никого не привлекает. Тон задает принц с госпожой Фитц. А все им слепо подражают. Слышали о лорде Бэрриморе?

– О нем писали в газете.

«И злословили, – подумала Мэри-Энн, – в грязных памфлетах. А может, это было о Ричарде, седьмом графе Бэрриморе, который сбежал в Гретна-Грин, чтобы обвенчаться с дочерью носильщика портшеза, а потом, записавшись в народное ополчение в Берксе, не совладал со своим мушкетом и встретил свой конец?»

– Ведь он умер? – добавила Мэри-Энн.

– Один из Бэрриморов – близкий друг принца. Всего братьев трое, бешеных, как ястребы. Принц дал им прозвища: Хеллгейт, Криплгейт и Ньюгейт. А сестру назвал Биллингсгейт. Однажды его королевское высочество сказал мне, что она превзошла своих братьев в умении сквернословить. Нет, я говорю о ныне здравствующем графе. Он потрудились бы над вами.

Потрудился бы над ней. Она что, поле, которое надо вспахать, а Тейлор – фермер, запрягающий лошадей в плуг?

– Он женился на ирландке в девяносто пятом, – рассказывал старик, – но она все время сбегает в Уотерфорд, оставляя его светлость в дураках. Он хром, но его это мало волнует. Между прочим, он один из моих основных клиентов. Только скажите – и я представлю вас.

Мэри-Энн заметила, что Билл Даулер ищет ее, его взгляд был полон любви, взгляд счастливого обладателя и почитателя. Вопрос только, как долго он будет испытывать подобные чувства?

– Вы что-то сказали насчет аренды, – тихо проговорила она, – о доме в городе. Это будет довольно выгодно. У меня есть друзья среди домостроителей, они помогут.

Возможно, нужно обратиться к Джеймсу Бертону, старому знакомому. Он заполнил весь Блумсбери своими домами. Только где Билл возьмет деньги?

Должно быть, обувщик прочел ее мысли, так как, помолчав немного, бросил оценивающий взгляд сначала на Даулера, а потом на нее и, похлопав ее по колену, сказал:

– С ним никаких дел, только любовь.

– Вы хотите сказать, что он должен быть тем другом, которому не дают возможности доказать свою преданность в беде?

– Вот именно. Если он вам нравится, отдайтесь своей любви и получайте удовольствие, вот и все. Впрочем, вряд ли он сразу согласится на подобные отношения. Знаете, что я вам скажу...

– Да?

– Мы прекрасно понимаем друг друга. Поговорите со своими друзьями из тех, кто ведет строительные дела, и выберите дом. Я дам вам денег.

– Под какие проценты? Вы не боитесь рисковать?

Он рассмеялся и дернул себя за нос.

– Вы – вовсе не рискованное предприятие, вы – надежное помещение капитала, – ответил он. – Не бойтесь, я верну свои деньги и получу хорошие дивиденды. У вас есть мать?

– Да, и сестра, и младший брат.

– Мы используем и вашу мать, и сестру. Пусть они поселятся вместе с вами, это придаст вам особую пикантность. Молоденькая вдова, которая живет под материнским крылом. Звучит очень благопристойно и разжигает аппетиты. Ну, на сегодня достаточно. Вы знаете, где найти меня, когда у вас возникнет необходимость.

Он пошарил в бездонном кармане, вытащил сахарную плитку и два леденца и поманил лакомством детей Мэри-Энн.

– Кто хочет получить карамельку у дяди Тома?

Подходите... подходите... Она представила его на ярмарке, как он бьет в барабан... Яркий красный занавес опущен. Что за ним? Платите денежки – и узнаете. Дети, завлеченные сладостями, придвинулись к нему поближе. Джордж, с липкими губами, скакал у него на колене. Старый великан-людоед, заманивающий детишек... Охваченная внезапным гневом, она подошла к Даулеру.

– Увези меня отсюда, – попросила она. – Я больше не могу этого выносить.

Он озадаченно уставился на нее. Что, прямо сейчас? Сию минуту? Ведь эти люди приехали выразить им свои соболезнования, это своего рода прием. Только что он видел, как она смеялась, болтая с этим словоохотливым стариком Тейлором. Слезы по умершему сыну давно уже высохли – она никогда о нем не упоминала, никогда не плакала по ночам. Тогда почему у нее на лице такое страдание, как будто за ней гонятся привидения?

– Конечно, я увезу тебя когда захочешь, – ответил он. – Сегодня, завтра, послезавтра. Но в чем дело?

Она могла бы сказать: «В том, что жизнь продолжается. Ты можешь уйти от меня, и я останусь ни с чем. Нет, не специально. Тебя могут вынудить обстоятельства. Твои впавшие в старческий маразм родители в Аксбридже. Или ты решишь жениться на дочери сквайра и воспитывать сыновей с откормленными рожками. И если ты уйдешь, вся моя жизнь пойдет с молотка, она станет собственностью этой старой жабы. Сколько дадут за выросшую в вонючей нищете Баулинг-Инн-Элли мать с тремя детьми? Горит желанием обслуживать клиентов. Качество гарантируется».

Вместо этого она улыбнулась ему и сказала:

– Мне скучно.

Это был конец. Она очень ловко это скрывала. Никаких пожиманий плечами и зевков в ответ на его ласки. И все же... в том, как она это сказала, звучал вызов. «Возмести мне то, что я потеряла», – подразумевала она. Он делал все, что от него требовалось, чего же еще она хочет? Всегда рядом с ней, является по первому зову, исполняет все ее прихоти, забавляет детей, платит госпоже Эндрюс. Если бы она была свободна и могла выйти за него... Нет, это создало бы проблемы. Как бы сильно он ни любил ее, он всегда помнил бы о старом доме в Аксбридже, о своем отце. Но она не свободна, следовательно, ссоры с отцом не будет. Возможно, когда-нибудь они найдут дом, маленький домик в поместье каких-нибудь знакомых, куда всегда можно будет приехать. А когда его родители умрут, все само собой решится без труда.

Пока же он увезет ее из этой сутолоки, от сестры, друзей и выздоравливающих детей. Она будет принадлежать только ему.

– Я знаю одну деревушку, – сказал он. – Челфон-Сент-Питер, всего в двадцати милях от города. Там маленькая гостиница, почти нет народу. Вокруг поля и леса, тишина и пустынные тропинки.

Полное отсутствие какого-либо выражения на ее лице указало ему на его ошибку.

– Сент-Питер что? – спросила она. – Я не паломница. Бога ради, я хочу повидать свет. Мы поедем в Брайтон.

«Какая удача, – подумал он, – что мне так повезло на бирже. Брайтон гораздо дороже Сент-Питера».

Она в пять минут все обдумала. Ее мать приедет в Хэмпстед и возьмет на себя все заботы. А завтра она отправится в город, чтобы купить платье. Нельзя появляться в таком виде, все ее шляпки давно вышли из моды. Она может взять с собой Изабель и Мей Тейлор. Сейчас конец сезона, все будет гораздо дешевле.

– А туфли? – спросил дядюшка Том Тейлор.

Билла Даулера удивил взгляд, который она бросила на старика. Он же был так вежлив, не хотел ее обидеть. Ведь он обувщик, а Мей – его племянница, вот он и хотел помочь им сэкономить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.